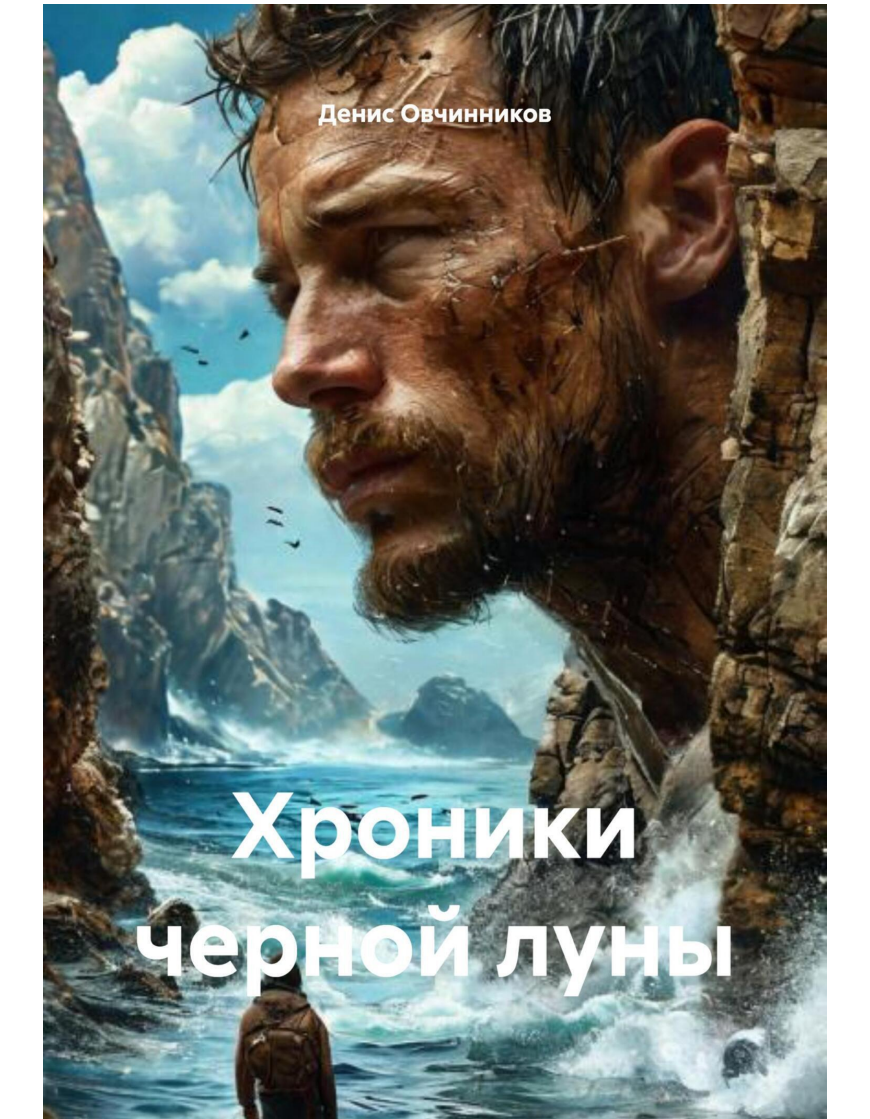

Денис Овчинников

Хроники черной луны

Денис Овчинников

Хроники черной луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72218545

SelfPub; 2025

Аннотация

Он не помнит кем он был в прошлой жизни.

Он не знает как вписаться в новую.

Он плывет по течению собирая головой подводные камни.

Но он обязательно вспомнит, и тогда мир содрогнется.

Мир заплатит за все.

Денис Овчинников

Хроники черной луны

Хроники черной луны.

Пролог.

Нищий. Коросты и язвы как расползлись по телу сплошным ковром. Проскользнул за спиной зазевавшегося охранника, кучкой грязного тряпья замер в тени хозяйственных ворот. Гул над головой нарастал. Убедился, что никто не погнался вслед, и уже не таясь, вышел через низенький проход на скамьи для бедных. Есть дно, а есть то, что ниже дна. Ни забитые ремесленники, ни подмастерья не хотели принимать вонючего изгоя. Тумаки и пинки посыпались со всех сторон. Чей-то кулак едва не выбил глаз. Рассудив, что не стоит дальше задирать толпу, нищий рванул по шаткой лесенке на самый верх. Знал он одного грузчика, тот всегда говорил – с верхних рядов амфитеатра вид открывался даже лучше, чем со скамей благородных. Но и эта узкая площадка не пустовала. Удалось втиснуться на маленький пятачок у огороженного гнилым заборчиком края. Бродяга вытянулся что было сил, силясь разглядеть хоть что-нибудь на раскинувшейся внизу арене. Вдруг толпа заволновалась – назревало что-то интересное. Нищий вытянул шею, встал на цыпочки и, пытаясь подняться еще выше, нечаянно оперся грязной ладо-

нию на плечо стоящего перед ним подростка. Удар локтем в живот покончил с планами на бесплатное развлечение. Проломив ограждение, бесславный житель припортовых канав, как мешок с песком, рухнул далеко вниз на камни заброшенного пустыря. Предсмертный крик неудачника утонул в нарастающем шуме. Глупая жалкая смерть не заинтересовала никого, кроме сидевшей на старом засохшем дереве голодной вороны.— Уважаемая публика! Я знаю, вы ждали! Накопец-то! Крысиные бега!

— Да!

— Вы уверены?!

— Да!

— Вы хотите этого?!

— Да!

Переполненный амфитеатр заревел от любви и восторга. Крик лавиной скатился на арену, сметая на пути остатки человеческих чувств. Их место с лихвой заполнила жажда крови. Люди, сидящие, стоящие на ступенях, как безумные, забились в судорогах предвкушения, словно пытаясь вывернуться наизнанку. Сотни рук взметнулись вверх, толпа жаждала представления, предвкушала видеть муки живого разумного существа. Существа подобного им. А что может быть слаще, чем наблюдать чужую смерть?! Беднота, битком набившая верхние ряды, грязные отбросы общества, кричали громче и больше других. Короткая никчемная жизнь городского дна — лишь бесконечное ожидание кровавых зре-

лиц, драки, бойни, публичной смерти. Чуть ниже, в удобных ложах, отгороженных от нищеты крепкими спинами стражников, сидели патриции. С любовницами, с женами, с выводками наследников. Их красивые правильные лица испорчены смесью вселенской скуки и раздражения. Руки заняты виноградом и вином. Они не кричат, не беснуются, не признаются в любви арене, но желают крови и смерти ничуть не меньше.

Главный распорядитель самой кожей чувствует все это. Чувствует, как напряжение зрителей проникает сквозь ткань накидки и жгучей солью оседает на вставших дыбом волосках груди. Он прекрасно знает публику и всегда оставляет напоследок что-нибудь особенное. Что-нибудь жестокое и бесчеловечное. Не забеги, не рубку топорами, не стенка на стенку. И даже не травлю раба сворой одичавших собак. Нет – это все не то. Зрители ждут настоящее буйство и море горячей липкой крови. Что-нибудь, что обожает толпа простолудинов. И чего стесняются, но, упиваясь, смотрят ряды благородных.

Красавец, любимец и высокородных и нищеты, мраморной статуей он застыл над воротами героев. Белоснежная свободная тога из тончайшей шерсти небрежно метет гранитные плиты балкона. Бронзовый венок сверкает на солнце. Человек с лицом бога и душой продажной геттеры. Единственный хозяин арены. Здесь все подчиняется только ему: герои, рабы, боль, жизнь и смерть. Под руки поддерживают

два мальчика-служки – нет, распорядитель не слаб и не стар, это признак власти и положения. Насладившись ожиданием толпы, он вскинул к небу унизанные золотыми перстнями тонкие белые пальцы. И голос, голос прирожденного оратора, загремел над ареной, разбился о стены и застывших в предвкушении зрителей.

– Приветствуйте героя! Вот же он – Крысолов!

– Да! Да!

Решетчатые ворота под балконом распорядителя со скрипом откатились. Крысолов одним прыжком выскочил на сверкающий под ярким солнцем песок. Лев, вставший на задние лапы. Буйвол, забывший, что такое родная степь. Два метра расплавленной бронзы и грубой первобытной мощи. Мышцы корабельными канатами опутывают руки, силятся разорвать надетые на предплечья браслеты. Маленькая лысая голова блестит на солнце. Соль и пот выступили пятнами на обитом медью ремне. Короткие, до колен, кожаные штаны и ременная безрукавка – сбруя. Грудь в старых лиловых и только чуть подживших красных шрамах. В правой руке наводящий страх крюк на длинной деревянной рукоятке. В широкой кожаной петле на поясе – не менее ужасный бронзовый топор мясника. Широкое полукруглое лезвие иззубрено о кости многочисленных жертв, его уже не спасает никакая заточка. Крысолов выбежал на середину арены, поднял руки. Звериный рев перекрыл шум толпы – разрывая легкие, он выпустил на свободу скопившуюся ярость. И толпа впала

в экстаз от восторга. Даже многие благородные стоя поприветствовали любимого героя. Он окунулся в море ликования и обожания. Кинул в небо топор и как настоящий циркач поймал за рукоятку.

Распорядитель упивался зрелищем и реакцией зрителей. Особенно реакцией благородных патрициев. Монеты полной рекой потекут в его карманы за исполненные ожидания. Мысли роем носились в голове хозяина арены: Хорошо. Как же он хорошо. Настоящий талант. Умеет завести толпу. Вот только за работу стал просить неподобающе много. Жаль будет с ним расставаться. Но пока не нашли замену, придется терпеть. Еще чуть-чуть потерпеть...

Глава 1.

Меня стошнило горькой желто-зеленой желчью. Спазмы скрутили пустой желудок. Сосед обмочился. Запах свежей мочи растворился в аромате нечистот и застарелого ужаса. Раб сзади упал на пол и забился в припадке, не желая умирать, не желая быть скотом на бойне. Подбежавший охранник успокоил его ударом дубинки по затылку. Все стоящие на коленях рабы, скрючились, закрыли головы руками. Жалкая пародия на людей. Два ряда еще живого, но уже отчаявшегося жить мяса. Истерзанные, забитые, в грязных набедренных повязках, провонявших потом и мочой. Наши тела под завязку пропитались тягучим липким страхом и безнадежностью. Мы лишь безликая масса, готовая добровольно

принять смерть. Над нашими головами трещат скамьи амфитеатра. Там, на ступенях, ревет в кровожадной истерике безумная куча людей. Разогретая до кипения ярость полной рекой просачивается вниз. Зараженные ею охранники, без разбора бьют всех, кто оказывается рядом.

От арены нас отделяет короткий подъем и толстая решетка. Блестит на солнце свеженасыпанный и еще чистый песок. По арене ураганом носится Крысолов, показывая цирковые трюки. Больше, больше заводит и так озверевшую от солнца и предвкушения толпу.

– А где же крысы?! Я не вижу крыс! – Крысолов стучит древком крюка по песку, изображая нетерпение.

Люди вокруг меня сжались в предчувствии беды. Охранник схватил за волосы раба, сидевшего передо мной, и поволок к воротам. За слабые попытки упираться новоиспеченная крыса получил хороший удар палкой по спине. Смирился. Слева подтащили второго. Вокруг протек вздох облегчения: «Сейчас умру не я, я еще поживу». В двух шагах от смерти нет места состраданию. Лишь тупое неистребимое желание протянуть чуть-чуть подольше.

Длинной, до блеска начищенной бронзовой цепью рабам сковали руки – отличный «крысиный хвост». Заскрипела отодвигаемая охранниками решетка, связанных людей пинками и палками выгнали на арену. Чернь на трибунах завывала: «Смерть крысам!». Мое переполненное болью и жестокостью тело не выдержало – пустой желудок остатками жел-

чи вывернуло наизнанку.

Крысолов медленно побежал по кругу вдоль правой, дальней от нас, стены арены. Рабам-крысам не осталось ничего другого, кроме как, спасаясь, побежать вдоль левой. Бег по кругу на потеху публике. Но в отличие от настоящих грызунов, эти крысы обречены – с арены для крыс есть только один выход. И он не для живых. Могучий огромный Крысолов с каждым шагом-прыжком настигал замученных жертв. Он бы мог сделать это намного быстрее, но зачем портить представление. Звонкую монету платят за зрелище, а не за банальную смерть. Зато голодные, забитые крысы старались из последних сил. Правый вырвался вперед и тянул за собой цепь со второй прикованной жертвой. Изможденные, забытые всеми богами и уже отмеченные смертью – жить обоим осталось не больше половины круга. Вот Крысолов нагнал их. Сверкнул бронзовый крюк и впился в плечо отставшей крысе. Раб дико закричал. Рухнул на песок, роняя напарника, и сразу сник, отдавшись на волю немилосердной судьбы. Второй оказался жизнелюбивей. Перевернулся на спину и, упираясь пятками в песок, старался отползти. Крысолов не торопился. Он никогда не торопится. За спешку платят меньше. Прижав безвольное тело к земле, дал толпе насладиться зрелищем. Картинно раскачивая, выдрал крюк из развороченного плеча хрипящей жертвы. Покрепче уперся ногами и почти без замаха, одной силой рук вбил крюк в лежащую на песке голову. Фонтан крови залил штаны и руки, но разве

стоит герою обращать на это внимание?

Толпа завизжала, как довольный, но еще не насытившийся хищник: — Бей, бей! Смерть ему!

Оставшийся в живых раб перестал сопротивляться, безвольно замер на песке. Закрыв голову трясущимися руками. Крысолов бросил крюк на землю и встал над рабом в позу дровосека, широко расставив ноги. Замахнулся и с громким выдохом опустил топор. Хруст костей, фонтан крови и перешедший в тошнотворное бульканье крик. Раздался противный липкий звук перерубленной шеи. Зрители ликовали — Крысолов знает свое дело. Он подхватил отрубленную голову за волосы и отошел к центру арены. Обрубок шеи густо сочился кровью. Мертвые широко открытые глаза озирали стены, людей, песок под ногами Крысолова. Широко расставив ноги, Крысолов раскрутил тело и, как заправский метатель дисков на осенних играх, распрямился, швырнув ужасный снаряд в публику верхних рядов. Голова полетела, забрызгивая всех жгучей кровью. Патриции даже не старались увернуться от красных капель. Испачканные одежды воспринимаются как часть представления. Каждый помеченный кровью чувствует себя немножко героем арены. Наверху началась давка за право поймать голову. Крысолов поднял крюк с земли и обхватил рукоятку обоими руками. Приготовился. Толпа знает, что делать. Голова по крутой дуге полетела обратно к центру арены. Подпрыгнув и ловко извернувшись, Крысолов поймал ее на крюк. Ликование и вопли вос-

торга захлестнули его в объятиях. Он купался в благодарности, озверевшей от крови толпы. Содрал голову с крюка и швырнул рабам, убирающим трупы. Вот он – настоящий хозяин арены.

Подняв холеные руки, распорядитель закричал, встав на самом краю балкона:

– Вы довольны!?

– Да!

– Вы хотите еще?!

– Да!

– Дайте нам еще крыс!

Охранник слева от меня оглядел толпу стоящих на коленях рабов. Прошел вглубь прохода, схватил за плечо рослого смуглого мужчину из середины и потащил к решетке. Тот разительно отличался от всех нас. Загорелый, крепкий, не сломленный несправедливой судьбой. С взглядом загнанного в клетку волка. Он не вырывался и не протестовал. Спокойно прошел за охранником к воротам. Я засмотрелся и не заметил, что рука второго охранника вцепилась в волосы. Нет, неужели я? Но почему я? Я не хотел, упирался, но ноги не слушались. Меня без труда подтащили к решетке и тут же надели на левую руку тяжелый браслет цепи. От страха меня замутило еще больше. Ноги подкосились, и я упал на колени. Желая приободрить смертника, охранник сунул бронзовый прут в жаровню у входа, а потом приложил уже раскаленным металлом по моей скрюченной спине. Я взвыл. Боль

встряхнула и придала сил, но от нее же безумно захотелось жить. Сзади опять кто-то забился в истерике, и охранники кинулись его успокаивать. Распорядитель медлил, не давая знак начинать, подогревая толпу. Крысолов отошел к правой стене и красовался перед патрициями.

– Слышишь, раб. Хочешь жить, делай, как я скажу. – Голос моего напарника-крысы едва пробивался сквозь рев толпы. – Беги как я, не отставай ни на шаг. По моему сигналу разворачивайся, и бей цепью, что есть силы. Не добежишь, упадешь на песок – и мы оба мертвецы. Сейчас твоя жизнь в твоих жалких руках и ногах. Не подведи.

Я посмотрел на него. В отличие от меня он собран, уверен в себе. Неужели это мой шанс на спасение?

– Я не подведу. Постараюсь не подвести. – Язык едва ворочается в пересохшей от страха глотке.

Взмах руки распорядителя арены. Решетка откатилась и мы побежали. Понеслись как морской ураганный ветер. Как голодная чайка. Как единый сдвоенный организм. Как две ноги одного тела. Но разве могли мы сравниться с Героем. Да и как убежать, когда бег ограничен, пусть большим, но все-таки кругом. Крысолов догнал нас под балконом распорядителя, слегка срезав по центру арены. Спину обожгло злобное натужное дыхание. Я позвоночником почувствовал, как тянется к спине крюк, испачканный кровью и мозгами предыдущей жертвы. В безумном рывке догнал напарника. Еще шаг, еще. И вдруг сквозь мутный туман страха его крик:

– Бей!

Я резко остановился, выбросив ногу вперед. Посмотрел на него. Сделал все как он. Развернулся, подхватывая цепь правой рукой. И как он ударил назад и вверх. Вложил в удар всю силу маленького, но так хотящего жить, тела. Крылов головой налетел на наш натянутый бронзовый цеп. Попытка остановиться провалилась – инерция гигантского тела слишком велика. Бронзовая цепь, зажатая в поднятых руках, впилась прямо в широко раскрытую пасть. Заглушила так и не раздавшийся крик. Хруст костей. Голова как подгнивший арбуз раскололась на две части, разбрызгивая кровь, зубы, лохмотья мяса и мозга. Ноги подвели, и я упал на колени, на грязный мерзкий песок. Меня вырвало на еще дергающийся труп Крысолова.

Тишина мелкой сетью раскинулась над ареной. Набилась мелкими липкими ячейками в раскрытые рты. Толпа безмолвствовала. Толпа затихла в шоке. Замерли охранники и рабы за решеткой. Застыли патриции в ложах. Замер на своем балконе распорядитель. То, что мы сделали, не укладывалось в ни какие рамки. Загнанные в угол крысы убили Крысолова. Это дико. Это смешно. Это не по правилам. Этого не может быть.

– Вот это представление! Такого мы еще не видели! – Настоящий распорядитель никогда не теряет власть над толпой. Зрители должны видеть, кто бог и хозяин арены. Даже когда все идет наперекосяк. – Сохраним же жизнь этим храбрым

крысам!

– Да! – Тысяча глоток как одна даровали нам право и впредь дышать воздухом.

– Но мы не можем их выпустить на свободу! Что же нам с ними делать? Может, отправим их на галеры!

– Да! Да!

От нахлынувшего счастья закружилась голова. Эйфория жизни – самый сильный наркотик.

– Вставай, дохляк, ты храбро сражался. – Напарник протянул мне руку и помог подняться.

Глава 2.

Стихли последние крики разбредавшейся после боев толпы. Амфитеатр, разогретый жарким полуденным солнцем, и не менее жаркими эмоциями зрителей остывал, затихал. Я пережил еще один день, и был этому безмерно рад.

– Алекс. – Мой неожиданный напарник протянул крепкую мозолистую ладонь. Я сжал ее в своей.

– Семен.

– Симеон?

– Нет. Просто Семен.

– Хм. Странное имя. Откуда такое? Ты северянин?

– Не помню. Я вообще ничего не помню. Только имя.

– Так не бывает. Нельзя забыть все.

– Бывает, как видишь. – Я скромно, и наверно довольно глупо улыбнулся.

– Ну, ты даешь! – Его серые глаза загорелись неподдель-

ным интересом.

Мы валялись на куче грязной соломы в загоне для рабов. От старых каменных стен тянуло сыростью. Потолок как таковой отсутствовал, его заменяло переплетение деревянных балок, поддерживающих скамьи амфитеатра. Высоко вверху через щели и выломанные доски проглядывалось голубое вечернее небо. В дни, когда шел дождь, загон превращался в непроходимое, зловонное болото. Сейчас было достаточно сухо, и лишь комья ссохшейся грязи напоминали о возможном ужасе. Боев ближайшее время не планировалось, и других рабов уже увели. Мы же ждали новых хозяев. Охранники объяснили, что может пройти куча времени, прежде чем за нами придут. Впервые за эти дни у меня появилась надежда: может хоть Алекс немного прояснит, кто я и где нахожусь. Соседи по загону не хотели со мной разговаривать. Да и между собой тоже. Каждый тонул в собственном горе. Их можно было понять, зачем тратить оставшиеся драгоценные мгновения жизни на разговоры с другими смертниками. Охранники тоже не оказывали такой чести – для них мы были ничуть не лучше животных.

– Нет, ну здорово. И даже не знаешь кто ты?

– Даже не знаю где я. Помню только последние три, четыре дня, этот загон, арену, бои.

– Слышал я, бывает такое, если сильно по голове зацепят. Сам, правда, не встречал. Хотя получал по головушке изрядно.

– А кто ты?

– Стражник.

– Стражник?! – Я подскочил на месте и выпучил на него глаза. После общения с палками местных охранников, стражник был для меня чуть ли не богом. И вдруг бог оказался в той же куче дерьма, что и я.

– Хорош удивляйся. Любой неблагородный запросто может угодить в рабы, а я лишь рядовой стражник. Был. Поссорился с начальником караула. Дал ему в зубы спьяну. А тут праздник – меня сразу на бои. Этот уродец еще и местным охранникам приплатил, чтобы меня именно Крысолову скормили. На-ка. Выкуси. Алекса так просто не возьмешь. – Он показал неприличный жест. – Держись меня, приятель. Со мной всегда удача.

– Не всегда, раз ты тут. – Алекс в ответ оскалился.

– Тоже верно. Но на все воля богов. Слушай, а мне кажется, я знаю кто ты. Ты прислужник из благородных домов.

– С чего ты взял?!

– А ты посмотри на себя. Только там слуги такие хлипкие и с белой кожей. Соблазнился наверно на прелести госпожи, вот тебя по башке и на арену. А может наоборот, хозяину отказал. Ха-ха-ха!

Алекс долго смеялся, катаясь по соломе и держась за живот. Потом успокоился и сел, вытирая набежавшие от смеха слезы. Я его веселья не разделял. Хотя, может он и прав. Даже охранники амфитеатра сразу обратили внимание на мою

белую не загоревшую кожу, как у благородных, что всегда под навесами и белыми туниками. На мое правильное лицо и отсутствие мозолей. А еще все удивлялись белым, как мел, густым коротким волосам. Даже трогали их руками, растирали между пальцами, проверяя, не краска ли.

Против меня Алекс выглядит настоящим гигантом. Высокий, поджарый. С бронзовой кожей и ежиком черных жестких волос. Руки как маленькими змейками покрыты мелкими, плохо зажившими порезами. На его боку виднелась глубокая царапина – Крысолов чуток да достал. Видимо когда падал, зацепил крюком. На предплечье Алекс гордо носил массивный бронзовый браслет с вязью, удивительно как хоть охранники не отобрали. Уловив немой вопрос, Алекс снизошел до объяснения:

– Это от матери. Попробовали снять, но я выбил одному зубы, отстали. – Он демонстративно поиграл рельефными мышцами рук.

– Мне вот интересно, а что такое галеры? Это ведь такие лодки с веслами?

Алекс опять заржал. Потом нагреб повыше кучу соломы, взгромоздился наверх. Тонем знатока принялся наставлять меня, дурачка.

– Запомни, дикость, на лодках с веслами плавают грязные рыбаки. А галеры – это настоящие корабли. Однорядные торговки. С двумя рядами – легкие и быстрые диремы. Тяжелые трехрядные боевые – имперские триеры. Этот остров,

да и вся империя тоже, живет за счет галер. На них возят товары, камни для домов. На них легион патрулирует море. Без галер империя ничто. Так что можешь гордиться. Хотя нам с галерами не повезло. Если попадем на торговую – проживем пару лет, может больше, зависит от хозяина. На триере загнемся за полгода. Больше рабы там не живут. Они за скорость корабля своими жизнями платят. А такой доходяга как ты, и месяца не протянет. Да и не возьмут нас туда, там, в основном, пленные да бунтовщики горбчатся.

– Я даже не помню, какое оно море.

– Ничего, насмотришься. До тошноты.

Быстро стемнело. Мы зарылись в отдающую гнильцой солому, устраиваясь спать. Кормить нас никто не собирался – это забота нового хозяина.

Нас разбудил скрип ржавой решетки где-то в глубине коридора. До рассвета, судя по светлеющему в дырах небу, оставалось час – полтора. Белокурая Селена уже зашла, но ее желтоволосая сестра Геката еще пробиралась между облаками. Блеснули факелы, засов разорвал ночь безумным криком, в загон вошли трое. Кожаные доспехи, бронзовые топоры, сбивающий с ног запах пота – ребята пришли серьезные. Алекс вскочил и прижался спиной к стене. Он явно хорошо знал ночных гостей. Я решил не высовываться из кучи соломы – был неплохой шанс остаться незамеченным, благо пришли не за мной. Один из неожиданных гостей вышел вперед. Он был пониже ростом, постарше и значительно тяже-

лей. Особенно в области живота. Засунув большие пальцы за ремень, противно оскалился.

– Привет Алекс. Как тебе тут поживается? – В голосе звучала неприкрытая издевка.

– Привет и тебе, Месил, жирная ты свинья. Не жалуясь. Только ты наверно этому не рад. И смотрю, не меняешь своих привычек – один не ходишь. – Толстяк не обратил на оскорбления никакого внимания.

– Жаль, что не жалуешься. Должен бы. Я думал, Крысолов тебе головушку то оторвет. Даже монетку на это не пожалел. Ну, ничего. Мы этот недогляд богов быстро исправим.

– Недогляд богов, что ты скотина до сих пор землю топчешь! Пустить бы тебя на кровяную колбасу, да жаль никто не купит – больно вонючая получится.

Мне стало понятно, почему Алекс оказался на арене. С таким языком сложно найти расположение начальства. Месилу бесполезный разговор видимо надоел. Повернувшись, он скомандовал:

– Арон, Риван, засуньте этому герою голову в задницу. И побыстрее.

Оба подручных кинулись к Алексу. Один тут же откатился назад от удара ногой. Алекс подпрыгнул, ухватился руками за балку и, раскачиваясь, отпινывался от второго стражника. Первый вставать не хотел – валялся, держась за промежность. Долго это не могло продолжаться. Обозленный задержкой, Месил подобрался сбоку и примеривался, как бы

сподручней ударить топором.

– А ну прекратили!

Из темноты коридора показалось с десяток охранников амфитеатра с копьями в руках. За их спинами стоял Распорядитель. Уже не в белой парадной тоге, а в простой серой тунике. Плечи от ночной свежести и сквозняка прикрывала рыжая пушистая безрукавка. От свирепости Месила не осталось и следа. Все трое побросали оружие и прижались к стене, подальше от выставленных копий.

– Кто это у нас тут хозяйничает. Никак бывший начальник караула Месил.

– Доброй ночи, Распорядитель. Никак нет. Мы просто пришли навестить старого товарища. И смею уточнить, не бывший.

– Теперь бывший. Извини, Месил, но я твоего самоуправства просто так не оставлю. Хотя, подойди завтра с мешочком бренчащих друзей. А лучше с мешком! – Распорядитель звонко рассмеялся простоватому каламбуру. Месил подобострастно расплылся в улыбке.

– Обязательно. Обязательно найду.

– Все. Убирайся отсюда. И псов своих заberi. – В мгновение ока Месил и стражники исчезли в темном коридоре.

Алекс спрыгнул на пол и сел на солому рядом со мной. Я тоже решил не прятаться и вылез из кучи. Долго стряхивал на пол приставшие к рукам соломинки, стараясь при этом не смотреть на жуткого хозяина окружающих стен.

– Ну и парочка. Бывший стражник и вообще непонятно кто. Ну, рассказывайте, красавцы, кто вам заплатил за смерть моего Крысолова?

Мы удивленно переглянулись. Я не знал, что ответить на такой вопрос. Алекс видимо тоже. Молчание затягивалось. Морщины на лбу Распорядителя вдруг разгладились.

– Понятно. Повезло вам. Если бы не пришел Месил, я бы так и не узнал, как ты сюда попал, Алекс. А ведь это именно ты уделал Крысолова. Белобрысый слизняк тебе только помог. Пришлось бы вас немножко попытать. За тем и пришли. Но, как говорится, истина сама себе дорогу найдет. Покончим с этим. Подышайте на галерах. И благодарите меня, что не сгнили здесь.

Распорядитель развернулся и вышел из загона. За ним потянулись охранники, высекая бронзовыми наконечниками копий искры из стен.

– Да мы с тобой счастливычики, Семен. – Алекс упал на солому и еще долго до икоты ржал, выплескивая страх и нервное напряжение. Я забился в угол. За три дня я еще не видел ничего кроме страха, смерти и боли. Не верилось, что весь мир такой. Неудивительно, что никак не удавалось его вспомнить.

Глава 3.

Город как-то разом обступил со всех сторон, заставляя забыть обо всем. Об ошейнике на шее, о неизвестности впереди и позади. Город и лечил и убивал остатки моей памя-

ти. Город был неимоверно прекрасен. Высокие, в два – три этажа, дома белого камня. Балконы, завешенные цветными балдахинами. Плоские кровли. На многих крышах разбиты цветники, с висящими чуть не до земли растениями. Крепкие дубовые двери с ручками в виде когтистой лапы чудовища сжатой в кулак, держащей бронзовое кольцо. Наверно отгоняют злых духов и воров, а может просто такая традиция. На улице толпы разряженных во всевозможные наряды людей. Кто-то в одной набедренной повязке, кто-то замотан в шелка по самые глаза. Резкие запахи. Не менее резкие звуки. Хлюпающие под ногами лужи помоев и нечистот. Голова идет кругом от новых ощущений. После трех дней в ужасах амфитеатра городская улица казалась мне сказкой. Я тонул в озере новых впечатлений и не желал быть спасенным. Город смывал с меня ужас арены и безграничное отчаяние загона смертников.

– Он прекрасен. – Я жмурился от удовольствия.

– Кто? – Алекс вывернул шею и посмотрел на меня как на полоумного.

– Город.

– Семен, ну ты точно дурак. Хоть и не помнишь ничего. Город ужасен. Особенно этот. Поверь человеку, повидавшему не один человеческий муравейник. Но ничего, недолго тебе осталось им любоваться.

Рано утром нас вытащили на посыпанный мелкой галькой задний двор амфитеатра, и надели бронзовые, с деревянным

подбоем, ошейники рабов. Привязав к веренице таких же обреченных на труд, как стадо овец поволокли в порт. Десять душ, потерянных для мира свободных людей. Сопровождали нас двое грязных надсмотрщиков с галеры. У каждого в руке длинный кнут – признак хозяйской власти. Старший, невысокий, в коротких кожаных штанах и с голым торсом, шел впереди, держа связывающую наши ошейники засаленную веревку. Он выбирал дорогу. Останавливал, пропуская красивые паланкины благородных. Разгонял толпы мальчишек, кидавших в нас объедки и камни. Второй, помладше, был в простой набедренной повязке, лишь чуть чище, чем наши. Он шел сзади и следил за порядком. Пинками подгонял зазевавшихся. Бить кнутом остерегался, боясь попасть в еще кого-нибудь из кипящей со всех сторон толпы. Вот и сейчас мне в зад ударила босая ступня – «Вперед!». Но все равно, город был прекрасен. Больше всего поражали разложенные на лотках торговцев яркие тропические фрукты. Желтые, красные, синие. Я не помнил их названия и вкуса, но безумно хотел попробовать. С удивлением и восторгом я крутил головой во все стороны. Диким стадом пробегали мысли, названия. Когда-то я уже видел этих людей, эти улицы. Но все, абсолютно все, смешалось в изуродованной памяти.

Впереди показался белый, украшенный цветами паланкин. Несли эту красоту два темнокожих, ужасных видом, раба. Длинные деревянные шесты, лежащие на плечах, раска-

чивались в такт шагам. На повороте из-за занавески показалась белая вся в браслетах женская ручка и указала, куда идти дальше. Перед паланкином вышагивал звероподобный охранник с огромной гастой в руках. Он трамбовал мир вокруг безумными глазищами, вгоняя прохожих в холодный пот. Каждый представлял себе, как это тяжелое бронзовое копье ворвется в его любимые, скрученные от страха в тугой узел кишки. Запруженная улица расступалась, словно живое море. Паланкин скрылся в толпе рабов и простолюдинов, и мы снова двинулись, вниз и вниз, все ближе к морю. Уже чувствовался запах соли, ветра, стухшей на солнце рыбы. Еще один изгиб улицы и блеснула бирюзовая гладь.

– Алекс, ты был в море? – В моем голосе плескался неподдельный восторг. Алекс повернул ко мне голову, насколько позволили ошейник и туго натянутая веревка.

– Конечно. Я два года проработал надсмотрщиком на диреме. Только потом подался в портовые стражники.

– А почему ушел?

– Не люблю сырость, и девок в море мало.

– Но это не повод!

– Для меня вполне даже повод. – Он чуть не споткнулся и повис на веревке, до крови прикусив язык. Выровняв шаг, грязно выругался.

– Ну-ну, аккуратней. И как там в море?

– А паршивенько. – Алекс опять обернулся и скривил рот в грустной улыбке. – Сдохнем мы там Семен, поверь моему

слову.

Теперь смачный пинок надсмотрщика достался Алексу.

В конце идущей под уклон улицы показалась сложенная из булыжников стена и широкий проем ворот. Распахнутые настежь деревянные створки вросли в землю и покосились. Мы прошли под высокой каменной балкой опутанной разлохмаченными обрывками веревок и оказались в порту. Вокруг крутым кипятком бурлила жизнь. Поначалу нас чуть не смело в сторону людским потоком, но надсмотрщик быстро сориентировался и выволок всю связку поближе к воде. Здесь было свободнее, и появилась возможность осмотреться. На центральных пирсах стояли огромные, с задранными к небу рядами весел военные триремы. Прямо над рядами гребных окон, примостились большие прямоугольные щиты. Из-за них свешивались люди и сотрясали воздух отборнейшими ругательствами, размахивая тугими свитками. На корабли грузили пресную воду в бочках, корзины с припасами. Загорелые воины, в высоких красных шапках с кисточкой на конце, шныряли вверх и вниз по крутым сходням, подгоняя нерадивых грузчиков. Болтающиеся на перевязи длинные кинжалы при каждом шаге били их по оголенным ляжкам. Я оглянулся на замешкавшегося где-то сзади надсмотрщика и рискнул задать вопрос:

– А эти в красных кто? – Алекс пробурчал не оборачиваясь.

– Морские охотники. Легионеры, что патрулируют грани-

цы империи и проливы южнее Иредоса и Яла. Пиратов тоже они ловят. Видимо готовятся к отплытию – вишь шапки свои идиотские нацепили. Жарко в них на суше должно быть жуть, а на море вроде как в самый раз. Но, по-моему, это чистой воды показуха.

– Не любишь ты их.

– А кто их любит. Все сплошь из благородных. Не ради монеты идут на корабли, а так, приключений ищут. Ненавижу.

– А как они в деле?

– Если честно, лучше не связываться. Дерутся, говорят, до последнего вздоха. Даром что патриции. Их за глаза волками обзывают. Сам подумай, просто так такое прозвище не дадут.

– Наверно. – Я закрутил головой. – А где наша галера?

– Должна быть где-нибудь на крайних пирсах. Торговок ставят там, ближе к складам.

Мы медленно брели через весь порт. Надсмотрщики почему-то не торопились на родной корабль. По всему было видно – ничего хорошего их там не ждало. Чем дальше мы отходили от ворот, тем становилось просторнее и тише. Вскоре толпа окончательно поредела, но мы так и не пошли быстрее.

Мелкие волны качали туши усталых кораблей. Воняло гнильем, водорослями, размокшим деревом. Солнце жарило голову, вызывая безумную жажду. Бухта порта была почти круглой и в дальней части узким проливом соединялась с

морем. На скалах узкой протоки стоял высокий, сложенный из известняка маяк – Большой Ночник. Название всплыло в голове всего на мгновение, но я успел ухватить его за хвост. Значит, я уже был здесь. Неужели этот город мне не чужой?

Порт, как и город, поражал и радовал уставшие от крови и насилия глаза. Не раздражали даже снующие во все стороны мальчишки, разносящие поручения и просто новости. Справа показались склады – низкие дощатые бараки. По левую руку потянулись торговые униремы. После звероподобных трирем один ряд весел выглядел весьма куце. Широкие корпуса, с площадкой для груза посередине неподвижно сидели в воде. На корме круто задирались к небу надстройка для команды и высокая площадка надсмотрщика за гребцами. Все как рассказывал Алекс в загоне.

– Смотри! Смотри!

Все вокруг останавливались и разом развернулись в сторону складов. Там быстро расчистилась площадка, окруженная толпой любопытных. Посередине остался маленький жилистый чернокожий раб в набедренной повязке и высокий, с широченными плечами надсмотрщик. Любому было понятно, раб взбрыкнул, и здоровяк в наказание охаживал его кнутом. Уже вся грудь бедняги покрылась глубокими порезами. Кусок бронзы, привязанный на конце кнута, при каждом ударе вырывал из тела маленькие кусочки кожи и мяса. Было странно, что раб даже не пытался защищаться. Стоит, согнувшись, делает пасы руками и бормочет какую-то муть

на непонятном певучем языке. Толпу это очень потешало. Надсмотрщик, глумясь, бил не со всей силой, а только чтобы оцарапать и выбить кровь. Зрители же подначивали ударить посильней.

– Алекс, что делает этот идиот? Почему не прикрывается?

– Вроде как колдует. – Алекс, пользуясь тем, что оба наши надсмотрщика пялились на наказание, встал рядом. Остальные рабы тоже сбились в кучку и глазели на зрелище.

– Эти черные рабы, они из южных джунглей. Тех, что за большой пустыней. У них там свое страшное престрашное шаманство. Поговаривают, что очень сильное, но по мне, это бред собачий. Еще ни разу не видел, чтобы эти обезьяньи шаманы что-нибудь смогли.

– А что с ним будет?

– Да ничего. Если бы надсмотрщик хотел, уже забил бы до смерти. Поиздевается и потащит к хозяину. Может, выдерут на позорном столбе. Может, продадут на бои, хотя вряд ли – осенние игры уже закончились.

Вдруг чернокожий выгнулся как лук и кинул руки в сторону своего мучителя. Полыхнуло огнем. Заложило уши. От неожиданности мы с Алексом присели. На месте здоровенного мужика осталась лишь кучка пепла и конец кнута на земле. Люди как испуганные тараканы бросились во все стороны. Началась давка. Раб стоял, бессильно опустив руки, и не реагировал ни на что вокруг. Из толпы как муравьи вынырнули испуганные злые портовые стражники. С ходу

окружили новоявленного шамана. Сбили с ног и принялись ожесточенно месить копьями. От страха били со всей силы – заточенные как бритва, наконечники шли насквозь сквозь худое тело и застревали в земле. Под неудачником-шаманом тут же растеклась лужа крови.

– Разойтись! Всем разойтись! – Один их хранителей порядка развернулся и начал разгонять остатки толпы, размахивая тупым концом копья. Веревка дернулась – нас поволокли прочь. Скоро испуганные зрители, тело шамана и стражники остались далеко за спиной.

– За что они его так?

– Со страха. А вдруг еще чего наколдует. Ну, дела. В первый раз вижу такое. Силен был обезьяна, ох, силен. Даже жалко бедолагу. О, смотри, вот наверно и наше корыто.

Галера стояла у самого крайнего пирса. Формами она и впрямь напоминала разлапистое грязное корыто. Вся обсыпанная мелкой пылью. Обшивка местами выгнила до дыр. Кто-то пытался заняться ремонтом, но хватило его только заколотить прорехи кривыми досками крест-накрест. Наше будущее судно не вызывало в душе ничего кроме омерзения. С грузовой площадки портовые рабы волоком выгружали большие серые блоки.

– Ну, хоть не навоз возить.

– А что это?

– Строительный известняк. Для домов. Возят с большой земли, с каменоломен.

Нас завели по трапу на палубу, потом пинками согнали вниз, в яму гребцов. Часть скамей пустовала. Веревку сняли, построили всех в ряд. На площадку надсмотрщика поднялся хозяин. Низенький, толстый, с неприятно большой лысой головой. На нем криво сидела просторная белая туника, что носят только благородные, хотя это тело к патрициям никакого отношения не имело. Я думал, он что-нибудь скажет своим новым рабам, но хозяин только осмотрел нас брезгливо и ушел обратно в кормовую надстройку.

Надсмотрщики распределили всех по парам. Я боялся, что нас с Алексом разделят, но мы оказались рядом. Скамья нам досталась в самом начале галеры. Не успел я усесться, как на запястья одели бронзовые браслеты. Зеленые от морской воды цепи и большой навесной замок намертво соединили меня с большим истертым сотнями рук веслом.

Глава 4.

Я с интересом крутил головой, оглядываясь по сторонам. Мы сидели у самого носа галеры, за воротом подъемника грузового трапа. В отличие от красавиц боевых трирем с их узкими высокими носами и мощными таранами, нос торговой галеры был неестественно широким. Он почти целиком состоял из поднимающегося трапа, по которому рабы волоком спускали грузы. На нашем корыте возили только камни, и поверх досок трапа были набиты продольные, истертые направляющие, облегчающие тяжелую работу. За трапом почти на весь корпус тянулась грязная, вся в каменной крошке,

грузовая площадка. Широкая, на ней свободно могли лечь поперек пара взрослых мужчин. По бокам от нее и чуть ниже, притулились скамьи гребцов. По десятку вдоль каждого борта. Нас с Алексом усадили на самой первой скамье левого борта, лицами к кормовой надстройке. От грузовой площадки нас отделяли лишь легкие деревянные перила и проход для надсмотрщиков. Я с ужасом представил, что будет, если во время шторма сорвет один из каменных блоков и он съедет в нашу яму. Помотав головой, избавился от видения переломанных рук, ног и спин. Насмотревшись вокруг, я задрал голову. Прямо над головами проходил настил верхней палубы, шириной от борта и до грузовой площадки. Он защищает гребцов от дождя и солнца. По нему же можно быстро добраться с кормы на нос, минуя проходы в ямах рабов. Алекс, заметив мой интерес, объяснил, что здесь к чему.

– Видишь, ворот с намотанной цепью – он ткнул пальцем за спину – им поднимают трап, потом забивают под барабан клин, чтобы в море не сорвало. На корме надстройка – теперь он тыкал пальцем вперед – в ней живут капитан с командой и надсмотрщики. А прямо перед ней площадка – это для главного надсмотрщика, сидит на ней и смотрит, кто как гребет. Ну и приказывает, конечно, кого подстегнуть. Он же отдает приказы рулевым. Рядом с ним мальчишку сядят – он колотит деревяшкой в барабан.

– Зачем?

– Отбивает такты. Чтоб гребли ровно. На каждый удар ба-

рабана будешь тянуть весло на себя. И не лодырничай! Я-то вытяну, но главный сразу заметит. По проходу ходят младшие надсмотрщики. Кто-нибудь из них подойдет и всыплет плетей. И тебе и мне.

— А где спать? — Я осмотрелся вокруг. Алекс заржал, удивляясь моей наивности.

— А здесь и будешь спать. На весло голову положишь, и в путь: хоть храпи, хоть сопи, хоть на спинку переворачивайся, если сможешь, пока надсмотрщик плетью не разбудит. Весло тебе теперь и кровать, и стол, и подушка. Можешь даже как подружку его использовать — Он, как припадочный, заржал над собственной пошлой шуткой.

Я осмотрел скамью со всех сторон. Неширокая. Со спинкой чуть ниже лопаток, чтобы было во что упереться, когда тянешь весло на себя. Рукоять его сейчас опущена и заведена под специальную упорину. Так же и все остальные впереди. На окне в борту галеры, куда уходило весло, висел дранный кожаный фартук. Сквозь прорехи поблескивала мутная илистая вода. Внутренности от кишок до сердца затопила тоска вперемешку с осознанием, что жить на галере совсем не просто.

Грузчики тяжело стянули на пирс последний блок. Было далеко за полдень, и я решил, что мы останемся ночевать в порту. Но, к моему удивлению, на палубу вышел капитан и скомандовал отплытие. Заскрипели ворота носового трапа. В проходы спустились по два надсмотрщика с плетями. На

площадке же появился дюжий мужик с барабаном.

– Ого, смотри – сам видимо стучит.

– Это плохо? – Я непроизвольно ссутулился.

– Это никак. – Алекс потянулся и вынул из упора весло.

Остальные рабы тоже зашевелились. Я сидел у борта, поэтому просто положил руки на весло, как показал Алекс.

– Сейчас будем грести назад, пока не оттащим галеру от пирсов, потом разворот и только тогда уже наляжем.

Главный надсмотрщик оглядел нас презрительно строгим взглядом, будто бы пытался забраться к каждому в самое нутро, и в первый раз ударил деревянной колотушкой в обтянутый кожей барабан. Поплыли.

Мы быстро отошли от пирсов, развернулись, гребя только правым бортом. В притирку пройдя мимо маяка, выбрались в открытое море.

Осенью темнеет рано. В море, где солнцу не за что зацепиться, и остается только нырнуть в воду, темнеет еще быстрее. Но не в тот первый день на галере. Ужасный, пропахший потом и солью, он тянулся бесконечно. Наконец, уже почти в полной темноте скомандовали сушить весла. Перестал стучать вызывающий головную боль барабан. Надсмотрщики выбрались на верхнюю палубу и сбросили большой каменный якорь. Мы закрепили весло. Я рухнул на него сверху – меня сильно мутило.

– Не смей блевать прямо здесь, убирать будешь сам, а еще и плетей оба получим. – Алекс устал намного меньше. – Дер-

жись. Трудно будет только первые дни, потом втянешься. Если не сдохнешь.

Он по обыкновению тихонько заржал своей собственной шутке. Смеяться громко было нельзя. Так же как и разговаривать. За любой шум били плетью. Причем наказывают всегда обоих. Днем мне настолько подурнело, и я почти отключился. Главный это заметил и подал знак надсмотрщикам вниз. Нам здорово досталось. Пришлось грести перевозимая слабость и боль.

– Сейчас еще ничего, галера то пустая. Да и гребем всего полдня. Вот потащим груженную – будет смерть. Окончательно все забудешь, даже как тебя зовут. Спорим? – Алекс развеселился, чувствуя скорый отдых. Он наклонился к гребцу впереди.

– Эй, тебя как зовут?

– Иди ты.

– Видишь, уже не помнит. И ты такой будешь. Чурка чуркой. Только и будешь знать, как веслом махать. – Он похлопал меня по плечу. – Ничего Семен, не переживай. Я тебя в обиду не дам. Если забудешь свое имя, я тебе напомним. Или новое придумаю. – Он опять прыснул в кулак.

– Ну и гад ты, Алекс.

– Да ладно, не обижайся. Сейчас купаться поведут, потом кормежка.

– Зачем купаться?

– А ты чего, гадить здесь собрался? Гадить будешь в море.

Утром и вечером. Утром еще и проснуться поможет. Холодная водичка с утра самое то. – Чувство юмора Алекса хлестало через край.

Нас по паре отцепляли от весел и выводили на верхнюю палубу. Цепи соединяли вместе и привязывали к длинной веревке. Так и прыгивали в воду. Соленая вода обжигала свежие шрамы на спине. Справлять нужду в море было непривычно, но приспособился. Много времени не дали. За веревку вытащили обратно на палубу. Следующая пара гребцов уже ждала наверху.

После купания надсмотрщики раздали ужина, вываливая его из ведра прямо на скамью между гребцами. На ужин боги одарили нас отваренными бобами и кувшином воняющей тинной воды. Еда была отвратительная, но пустой желудок обрадовался и этому. Взошла белая Селена. Надсмотрщики пошли по рядам, проверяя цепи и убирая пустые кувшины.

– Алекс, как ты думаешь, мы долго так протянем?

– Нет, Семен. Не долго. Год, может два. Дольше гребцы не живут. Осмотрись – среди нас нет ни одного старика. Гребни, жри бобы и гадь в море. Вот теперь твоя жизнь.

– Чем же она лучше смерти? Может, лучше было умереть там, на арене?

– Любая жизнь, Семен, лучше смерти. Поверь.

Алекс поудобнее пристроился к опоре верхней палубы и закрыл глаза. Я же еще долго не мог уснуть, перекатывая в

голове комки событий короткой непонятной жизни. Столько нового, но среди этого так мало хорошего. Потом прислонился к борту и тоже уснул.

Глава 5.

Первые две недели тянулись потоком нескончаемой боли. Тело ломило от усталости. Белая кожа на плечах, спине, руках обгорела и слезала лохмотьями. Но, как и обещал Алекс, я втянулся. Уже не падал в обмороки на весло, уже не засыпал мертвым сном еще до ужина. Теперь мы часто разговаривали вечером, и даже шепотом уже после отбоя. Для Алекса это был способ отвлечься от удручающей действительности, для меня возможность хоть чуть-чуть восстановиться и понять где я. После таких рассказов мне снились сны, яркие, натуральные. На основе скурых, а иногда и заведомо неточных рассказов мозг все же выуживал из завалов и обломков памяти кусочки мозаики, и складывалась более-менее ясная картина мира.

Мы плавали между островом Иредос и бесчисленными каменоломнями раскинувшейся по всему побережью империи. Из одних возили строительный известняк, из других плитняк на облицовку, а временами и мраморные плиты для домов патрициев. Южнее каменоломен начинались степи, за ними просторы Среднего моря и дальше жаркая пустыня. Край мира, как сказал Алекс. Где-то там за пустынями живут своей загадочной жизнью жаркие джунгли с черными дикарями. Оттуда привозят слоновую кость и самых крепких в

мире рабов.

Сама империя, зажатая на узкой полосе земли между горами и океаном, тянулось далеко на север. Где-то там, в устье реки Тор впадающей в Залив Слепцов, блистала столица, императорский двор, центр мира. Алекс никогда там не был и не мог ничего рассказать. Моя же память показывала красивые дома, намного выше наших островных трех этажей, башни, дворцы. Что это? Я был в столице, или моя фантазия порождает яркие картинки, подменяя ими реальные воспоминания. Я не знал.

Плавание от Иредоса до каменоломен затягивалось на пять – семь дней. Ночевали мы всегда в море. Даже если до заката оставалась пару часов, надсмотрщик командовал отплытие. Я пристал с этим вопросом к Алексу, на что получил дурной и нелогичный ответ:

– Капитан боится, что рабы могут сбежать.

– Но как, мы же все прикованы?!

– Ну не все тут такие, как я и ты, без роду без племени. У многих на берегу семьи. И не бедные. Они могут прийти ночью и попробовать отбить своих. Вот капитан и гонит нас в море.

– А что будет со сбежавшим рабом?

– Смерть. Повесят на балке портовых ворот. Пока не высохнет на солнце. А могут на рудники отправить. На каторгу. Но лучше смерть, чем туда – там, по слухам, умирать будешь долго. Заживо сгниешь.

– Да уж. Не самая, видать, у нас худшая доля. – Алекс улыбнулся моей шутке.

– Да ты, Смен, тоже остряк, не хуже меня.

На следующее утро гребец, сидящий перед Алексом, не поднялся с весла. Он умер во сне, то ли от истощения, то ли просто не захотел жить дальше. Он давно всех достал разговорами, что смерть будет его избавлением. Похороны прошли быстро. Пришел старший надсмотрщик. Резкими сильными ударами сбил замок рабский ошейник. Расклепал браслеты на руках. Помощник подал ему маленькую жаровню. Раскаленной железкой покойнику выжгли на лбу два больших скрещённых весла. Потом худое скрюченное тело отнесли на корму и без особых церемоний выбросили в море.

– Алекс, а зачем весла труп выжгли?

– Чтобы и после смерти, все видели, что человек – раб с галер. Так что не надейся, что смерть это выход. Там, наверху, тоже будешь воду доской месить.

А через несколько дней, наконец, разгрузившись в порту, мы не отплыли сразу в море. Двое младших надсмотрщиков и капитан ушли в город за новым рабом. Вернулись они уже под вечер, почти к закату. Мы с Алексом, да и многие другие рабы оторопели и испуганно жались к своим скамьям. За веревку, привязанную к ошейнику, на борт галеры затащили привидение. Этого человека я не смог бы забыть до конца своих дней. А все по тому, что именно он убил надсмотрщи-

ка в порту. И все мы видели, как он умер под копытами охраны. А тут вот – живой. Только грязный, замызганный, еще более тощий. Весь в фиолетовых, едва подживших шрамах, мелкой сетью опутавших тело. Да руки замотаны окровавленными тряпками.

После отбоя Алекс опасливо осмотревшись и проверив, что надсмотрщики убралась к себе в кормовую надстройку, а дежурный, сидящий на площадке смотрит в другую сторону, решил заговорить с новеньким. Он наклонился вперед, через спинку скамьи и зашептал.

– Ты откуда, обезьяна? Мы же видели, как тебя копытами всего издырявили?

– А ты кусок ослиного навоза. – Шаман сказал это спокойно, без малейшего намека на обиду или презрение. Я прыснул в кулак. Алекс чуть не вскочил от злости, но вовремя опомнился, зашипел обозленной змеей.

– Ты чего меня навозом обозвал?

– Ну, раз я обезьяна, то ты навоз.

– Умный, да?

– Не глупее тебя.

Алекс насупился и откинулся назад. Гордость из моего друга хлестала фонтаном. Ничуть не смущаясь, я сам наклонился к новичку.

– Не обижайся. Алекс у нас больно заносчивый, но это пройдет. Скажи лучше, как тебя зовут. И действительно – как ты сюда попал. Мы же видели, как тебя убили.

Черный долго молчал, двигал бровями, думал о чем-то своем. Но потом все же выдавил.

– Мумр. Имя это. А убить меня не так уж и просто. Я шаман дождя. Меня можно топить, жечь в огне, колоть, рубить. Все равно выживу. Охранники думали мне конец, притащили в сарай и бросили в углу, в кучу мусора. Думали, издохну. А я полежал, отошел, поговорил с предками – раны и затянулись. И опять как новенький.

Алексу надоело тешить свою гордость, и он влез в рассказ.

– А чего тогда потом не повесили? За убийство охранника должны были повесить.

– Побоялись. Вдруг в петле не помру. Вот смеху то будет. Живой труп на воротах порта болтается. Продали вашему капитану за гроши. Мизинцы вот только отрубили. – Мумр показал нам окровавленные тряпки. – У шамана дождя вся сила в мизинцах. Знают гады. Из меня теперь шаман, что из мух похлебка.

– Совсем шаманить не можешь? – Меня охватил нездоровый интерес.

– Могу, но так. Только самые простые вещи. Болезнь наслать, голову полечить.

– А кандалы снять? – Мумр обернулся и взглядом затравленной крысы уставился в мои глаза.

– Даже не мечтай, не смогу. И раньше пришлось бы долго готовиться, а теперь точно не могу.

Надсмотрщик спустился в ямы проверить рабов. При-

шлось прекратить разговор. Я прислонился к борту, но не мог уснуть. Шаманы, колдовство, что то крутилось в голове связанное с этим. Где-то в прошлой жизни эти дети дождливых лесов оставили в моей жизни четкий след. Мысли крутились вереницей, но я не мог их поймать. В моей пустой голове мыслям было, где разгуляться.

Через пару дней перед вечерней прогулкой в море Алекс наклонился к Мумру, и долго с ним о чем-то шептался. Потом, довольный, откинулся на скамью.

– Смотри, что сейчас будет.

– Куда смотреть?

– Да на главного!

Мумр что-то бормотал про себя, крутил мельницу большими пальцами. Я во все глаза смотрел на главного надсмотрщика. Он стоял на помосте и следил, как выводят и спускают на веревке рабов. Вдруг лицо его перекошилось. Он схватился за кожаные штаны на заднице, присел. Развернулся и побежал в деревянный туалет, висящий за бортом на корме. Алекс и Мумр довольно заржали. Я быстро сообразил, что это и есть черное шаманство и присоединился к веселью. Потом, отсмеявшись, спросил:

– Мумр, а надолго ты его?

– Если не переборщил, то до утра.

– А если переборщил?

– На пару дней.

Весь следующий день ритм на барабанах отбивал помощ-

ник главного. Сам он показался на палубе только под вечер. Зеленый, уставший. Долго зыркал по рядам рабов, не зная на ком сорвать злость. Не найдя снова скрылся в каютах.

Прошла еще неделя. Как-то, уже перед отплытием из порта, на галеру пришла делегация странных серых, одетых в глухие до пят хламиды людей. Капюшоны скрывали их головы. В руке каждый держал искусно вырезанный посох. Все на галере притихли. Люди недолго поговорили с капитаном и удалились, но через некоторое время пришел еще один серый и уже не уходил. Скомандовали отплытие. Странный попутчик отказался уходить в каюты и устроился прямо на палубе, вытащив из дорожного мешка тонкое шерстяное одеяло. Вечером я пристал к Алексу.

– Кто это?

– Лунный жрец.

– Какой жрец?!

– Лунный. Жрец Талея.

Как и раньше в голове заскакали кусочки мозаики из прошлой жизни. Большие темные храмы, цепочки затянутых в глухие балахоны людей. Бьющиеся в истерике рабы, что лежат на помостах жертвоприношений. И запах крови. Обволакивающий со всех сторон, густой до одури запах крови.

– Кто они, эти жрецы? И кто такой Талей? – Глаза Алекса чуть не вылезли из орбит.

– Ты что – и это забыл?!

– Помню что-то смутно про луны и все.

Алекс наклонился вперед и истерично зашептал шаману:

– Мумр, он забыл нашего бога!

– И что тут страшного. Я вот тоже про него почти ничего не знаю. И живу – не страдаю ничуть.

– Ну, вы даете. – Алекс аж трясся от возбуждения. – Ладно, спасу ваши погрязшие в дикости души. Правда я и сам знаю немного – только то, что в детстве от матушки слышал.

– Не тяни! – Зарычали мы с Мумром хором.

– Ладно. Над головой у нас три луны...

– Две! – Опять зарычали мы хором.

– Не перебивайте! Три их – неучи. Белая – Селена, сестра ее младшая – Геката, и черная – Аллат. Черную Аллат на небе не видно – так она чернее самой черной ночи. А кто увидит ее – тут же умирает. На белой Селене живет верховный бог Талей. Он создал все вокруг, и землю, и море, и солнце и луны, и людей и животных. Он решает: кому жить, а кому умереть. Вместе с ним живут остальные лунные боги, и души благородных. На Гекате после смерти живут души обычных людей, тех, кто достойно жил на земле, верил в бога и не нарушал заповедей Талея. А на черной Аллат живет младший брат Талея – слепой Амет. Он забирает к себе всех негодяев, убийц, мошенников и просто тех, кто верил в других богов, или ни в кого не верил. И если после смерти жрец из ближайшего храма Талея не проводит твою душу, попадет она прямиком на Аллат и будет до скончания времен бродить во мраке!

– Какая чушь! – Ммур аж плюнул на палубу, и растер плеток черной пяткой.

– Чушь!? – Алекс вцепился в спинку скамьи. – Не веришь! Все вы из джунглей в богов не верите. Вот и попадают души всех чернокожих на Аллат. И скитаются там и стонут, и просят на Гекату. И ни один лунный жрец вам не поможет!

Я тронул его за плечо.

– И это жрец Талея?

– Да. Их чаще зовут лунными жрецами. А еще жрецами смерти. Они прославляют богов, провожают души умерших. Дикие крестьяне и северяне еще верят в какого-то Нота, бога земли – но это не настоящий бог. Истинный бог только один – Талей.

К нам опять обернулся Мумр.

– А правда, что в голове у лунных жрецов золотое кольцо?

– Сейчас увидишь, солнце садиться – время вечерней молитвы.

Жрец встал на коленях на краю у площадки надсмотрщика. Вся яма притихла. Упал капюшон. Впереди, над темечком, блестело на лысой голове в лучах садящегося солнца золотое кольцо. Нижние концы его уходили прямо в голову – из-за чего кольцо смотрелось как большая выпуклая рукоятка.

– Ничего себе. – Мумр аж задохнулся от восторга – Даже не думал, что оно прямо в голову заходит.

Я не мог сказать ни слова. Молящийся жрец с золотой

ручкой-кольцом в голове поразил меня до глубины души. Алекс гордо, всезнайка наш, объяснил.

– Они себе в голове дырки сверлят. И вставляют туда кольцо. Поговаривают что чем оно больше, тем выше сан. У верховного жреца по слухам такое здоровое, что запросто может черепушку разломить.

– А зачем оно им? – Я едва шевелил губами.

– Через него у жрецов связь с Талеем и другими лунными богами. Но я думаю скорее для красоты.

– Ох, мне бы такое. – Мумр подвывал от вожделения.

Жрец закончил молитву, и ушел куда-то к борту за пределы нашей видимости. Солнце почти село. Надсмотрщики начали забирать рабов на помывку. Что тревожное засело в груди. Что-то связанное с кольцом в голове. Я в очередной раз силился вспомнить, и, конечно же, безрезультатно.

– А почему он молился на солнце, а не дождался восхода Селены, ведь ты сказал, что Талей живет там? – Уже трущий глаза Алекс пробурчал.

– Потому что истинный дом бога на солнце, но живет он на белой луне, чтобы быть поближе к нам, своим детям. Все – спать, всем спать.

Глава 6.

Раны на руках Мумра быстро зажили, но вместо мизинцев остались страшные безобразные обрубки. Первое время они вызывали легкий приступ омерзения, но я приучил себя не замечать этих будто изжеванных безумной собакой культей.

Вечерами шаман развлекал нас рассказами о жизни в далеких джунглях. О многочисленных черных женах и не менее многочисленных любовницах. Об мрачных и жутко сложных обрядах, в которых больше никогда не будет участвовать. Об охоте на слонов и тигров. Показывал шрамы на груди, оставленные сошедшим с ума, отравившимся ядовитыми лягушками ягуаром. Алекс, истекая слюной от зависти, тоже распалялся и рассказывал о своих подвигах и похождениях. Его рассказы из жизни городского стражника звучали не в пример проще, но для меня были не менее интересными. Я глотал их как путник, проживший полгода в раскаленной пустыне, и вдруг набредший на бездонный источник. У меня к всеобщему сожалению воспоминаний не было совсем, но иногда уже перед самым отбоем я рассказывал свои запутанные сны, и мы вместе гадали, что бы они значили.

Наша говорливая троица сильно отличалась от остальных рабов. Те молча съедали ужин и еще до окрика надсмотрщика валялись спать на весла. Так же делал и сосед Мумра. Что-то сломалось в этих людях. Что-то очень важное. Ушло человеческое любопытство и желание общаться. Пропало стремление жить, пусть даже и в галерной яме. А может они просто жили в ней слишком давно, и такая же участь в будущем ожидала нас. Я очень надеялся, что нет.

Лопнули и сошли первые мозоли, выросли новые. Спину уже не ломало по утрам. Руки привыкли к грубому, затертому до блеска веслу. Моя слишком светлая кожа обгорела

и слезала лохмотьями, оставляя после себя красную прожаренную плоть. Волосы сильно отросли. От постоянного купания в морской воде потускнели и уже не пугали окружающих первозданной белизной. На удивление Алекса Мумра я даже поправился.

– Знаешь, брат – Выдал мне однажды бывший стражник – Видать в прежней жизни кормили тебя еще хуже. А судя по тому, каким я увидел тебя в первый день, не кормили вовсе.

– Или работать заставляли больше! – Мумр не мог не вмешаться.

– Не – он вообще не работал, судя по рукам. Смотри – он даже что такое мозоли узнал только здесь!

– И то верно, белоручка знатный.

– Отстаньте вы оба!

– Да мы так, мы же по-доброму. – Алекс оскалился своей самой ехидной улыбкой.

– По-доброму, можешь вечером в море сходить.

Теперь ржали мы уже все вместе, за что и поплатились. Надсмотрщик не стал разбираться в причине веселья, я просто угостил всех троих хорошей порцией палок.

Очередной заход в порт поначалу ничем не радовал. В бухте Иредоса, укрытой со всех сторон высокими скалами, ветра не было отродясь, а солнце как всегда жарило нестерпимо. Крикливые чайки носились над головой, вылавливая из воды протухшую рыбу. Густая до неприличия вонь плавно перетекала в жидкую до неприличия грязь. От воды гавани

несло помоями и гнилыми водорослями. От всего это нака-
тывала непреодолимая, нестерпимая до слез тоска. В такие
дни я молился незнакомому мне богу Талею об одном: ско-
рей бы в море.

После разгрузки надсмотрщики отцепил двух самых спо-
койных гребцов, и заставили вычистить затасканными мет-
лами всю грузовую площадку. Серая пыль облаком повис-
ла в яме, и гребцы долго чихали, тря покрасневшие глаза.
Чище на настиле ничуть не стало – за столько лет каменная
крошка и грязь вросла в доски как родная. Зачем наводился
показушный порядок, выяснилось только после обеда. Про-
ходивший мимо надсмотрщик гордо сообщил нам, что глу-
бокоуважаемый господин Симиус – давний друг нашего ка-
питана – нанял галеру отправить свою молодую жену к род-
ственникам на побережье. Чего уж ее туда понесло, нам есте-
ственно не объяснили. Но даже само присутствие женщины
на галере обрадовало всех гребцов безмерно.

Вскоре после приступа самой несносной дневной жары
пришли холеные городские рабы в посеребренных и подби-
тых тканью ошейниках. Они бодро поставили прямо на гру-
зовой площадке два небольших полосатых шатра. В один
плотно уложили принесенные тюки с вещами. В другой за-
несли шерстяные одеяла, подушки, и даже легкий деревян-
ный топчан. Пассажирка прибыла уже под вечер в красивом
белом паланкине в сопровождении одной служанки. Охра-
нял путешественницу лишь старый седой старик с длинным

крепленным медными кольцами посохом. Сразу видать, на берегу девицу будут встречать. Саму хозяйку шатров мы рассмотреть не смогли. С ног до головы закутана в шелковую накидку, она проскользнула мимо нас в сумрак и прохладу шатра. Только сверкнула глазами, да беленькие тонкие ручки на мгновение выскользнули из-под ткани, раздвигая тяжелый полог. А вот служанка оказалась просто шикарным подарком глазам, затертым до дыр о дружеские волосатые спины и деревянные доски палубы. Высокая, чуть полная, с призывно выпирающей из глубокого выреза большой грудью. Кожа ее матово блестела, как бронза самой чистойковки. Из одежды на плутовке красовались лишь тонкие шелковые шаровары и коротенькая туника, перехваченная на поясе узким кожаным ремешком. На длинной шее болталось украшенное цветными стекляшками и золотыми монетками кольцо. Рабыня – как и мы. Хотя не как мы. Гребцы на галере и не рабы уже, считай дикие звери на цепи. Одарив нас презрительным взглядом, служанка нырнула вслед за госпожой, а на пороге шатра уселся на большой мешок старик охранник.

Как только гости разместились, капитан скомандовал отплытие. Девушки, заслышав стук барабана, выбежали из шатра и устроились на палубе, прямо над нашими головами. Я бы тоже с удовольствием посмотрел, как мы выходим из горла бухты в открытое море, и на то, как садится в волны красное как кровь солнце. Но с моего места была видна

только узкая полоска неба в проеме грузовой ямы, да белые буруны в прорехи кожаного фартука прикрывающего отверстие для весла. Я мечтал, что когда-нибудь я выберусь из этой вонючей ямы и увижу, как море медленно глотает красный, сочный диск. Вытягивая на себя тяжелое весло, только и оставалось что мечтать.

Почти весь день прошел под разгрузкой и ожиданием пассажиров, поэтому до отбоя успели только выйти в открытое море. Якорь бросили еще в пределах видимости прибрежных скал, хотя никогда раньше капитан такого не позволял. Солнце быстро спряталось в черноте воды, и надсмотрщик вежливо попросил девушек удалиться в шатер – начались вечерние процедуры. В этот вечер начали с другого борта, и у нас появилось время поболтать.

– Ох, плутовка. Хороша. Я бы с ней пообщался, и не раз, заberi меня боги! – Алекс мечтательно теребил набедренную повязку. Мумр обернулся к нам с удивленным лицом.

– Как ты можешь судить о ее красоте – она же в шелк закутана с головы до пят. Может под ним прячется жуткая уродина?

– Дурак ты, Мумр, он не про хозяйку.

– Ааа. – Помолчали. Потом Мумр снова обернулся. Растянув в улыбке свои толстенные губы, он загадочно зашептал: – Алекс. А хочешь провести с ней ночь?

– Конечно! Он еще спрашивает.

– Я могу устроить...

– Как!? – Алекс резко подался вперед, забрэнчав цепями, чем тут же привлек внимание надсмотрщиков.

Наказали как всегда всех: и нас троих, и соседа Мумра заодно. Разговаривать не запрещалось – просто наши вопреки всему довольные рожи в очередной раз не понравились надсмотрщику. Спина покрылась свежими шрамами, но били не сильно. Только чтобы показать власть. А вот то, что остались без ужина – было весьма неприятно. Неприятно обидно – но воля надсмотрщика закон. После купания и прошедшего без нашего участия ужина Мумр виновато обернулся к нам:

– Ладно, не обижайтесь. Один вечер без жрачки вам не повредит. Ну дак как, на счет ночи с вашими уродскими белыми девками? – Мы, покосившись на пустую пока площадку надсмотрщика, наклонились к нему.

– Ты сможешь это наколдовать?

– Я не колдун, я шаман. И баб я вам не наколдую. А вот приворожить на вас хозяйку думаю смогу. Это высосет остатки моих сил, да все равно их некуда девать. Уверен, девка запросто сможет подкупить надсмотрщика, чтобы он вас на ночь пустил в шатер.

– Вот это будет номер! – Алекс потер руки. – Семен, ты не против, если Мумр приворожит хозяйку на тебя? А мне служаночку.

– Ты как всегда рвешь все вкусное на себя. – Я демонстративно скривился.

– Да ладно тебе. Ты же все равно не помнишь как оно.

Тебе убогому и хозяйкой сойдет. Даже если она страхолюдка под своей тряпкой. А вот я – ценитель. Мне нужна красotka, и чтоб верняк.

– Долго вы будете препираться? Я так могу и передумать шаманить. Вам вроде и друг с другом неплохо.

– Ладно, я согласен. Хозяйка, дак хозяйка.

Тогда не мешайте мне. – Мумр закрыл глаза.

Он откинул голову и что-то тихонько шептал про себя, плетя пальцами мельницу. Стемнело. Я откинулся к борту и задремал. Не очень то мне верилось, что у Мумра может что-нибудь получится. Кроме как вызвать понос у надсмотрщика. Пусть и с голодным желудком, но хоть выспаться перед тяжелым днем, решил я для себя.

Разбудил меня Алекс, предусмотрительно зажав мне рот, чтобы я с спросонья всю галеру воплями не разбудил. Яму рабов и грузовую площадку затопила густая темнота. Фонарей ночью на галере не зажигали – суеверные островитяне боялись привлечь морских духов и чудовищ. А когда в первый же вечер я обсмеял это суеверие – получил затрещину от Алекса. Он во всякие островные обычаи верил ревностно.

Рядом с нами, ссутулившись и пыхтя перегаром, стоял старший надсмотрщик. Он уже успел освободить от весла цепь Алекса, и теперь ждал когда уберу руки, чтобы он мог добраться до моего замка. Я не заставил себя ждать. Положив открытые замки под лавку, он поманил нас за собой. Выбравшись прямо через перила к большему из шатров оста-

новился.

– Слушай меня, мразь. Чего выкинете – отрублю руки и скормлю рыбам заживо. Бежать здесь все равно некуда. Я приду через час, вам хватит. – Он приподнял край шатра и мы, удобнее перехватив цепи, скользнули внутрь.

Нас окутала тьма, хоть глаза рыбам на завтрак отдавай. Оказалось что шатер разделен на две части и, и только подняв еще один полог, мы вывалились в тусклый круг света маленькой лампы. На подушках сидела полуобнаженная служанка. Ее глаза возбужденно загорелись при виде Алекса, и она, ловко вскочив с колен, утщила его за руку в только что покинутую нами темноту. Послышалось сопение и треск раздираемой ткани – для рабыни никакого приворота не понадобилось. Я неуверенно подсел к лампе. По шороху и отсвету теней я догадался, в каком углу скрывается хозяйка шатра. Сидеть и пялиться на огонь было непростительно глупым растрачиванием подаренного надсмотрщиком времени, но что делать дальше я банально не помнил. Она, видя мою нерешительность, все сделала сама.

– Потуши лампу и иди сюда. – Голос был тихий, но наполненный властью и возбуждением.

Я подчинился. Придвинувшись к ней, поймал тонкое, гибкое тело. Уже после, вернувшись на опостылевшую скамью, я подумал, что мир еще полон для меня сюрпризов, и не всегда отвратительных и гадких.

Глава 7.

Складки тяжелых, мягких портьер полностью скрывают меня. Я тону в них как в морских волнах, они охватывают руки, стелются по ногам, душат покрытую испариной шею. Густая и терпкая, навечно залегшая и бессовестно потревоженная пыль забивается в ноздри. До боли в затылке хочется чихнуть, но я терплю, лишь изредка чешусь носом о шершавую ткань. Уже несколько раз мимо проходила охрана, но я остался незамеченным – годы обучения прошли не зря. Я прильнул к заранее прорезанной щелке другим глазом. Торчу в этом заброшенном углу уже столько часов, а сластолюбца все нет и нет. Ноги давно затекли, спину ломит от слишком прямой, неестественной позы. Тело молит плюнуть на все и опуститься на каменный пол, согнуть колени. Закрывать глаза и хотя бы на мгновение отдаться сну. Но на то оно и тело чтобы стойко терпеть все, что задумала дурная голова.

Окончательно стемнело, и служанки внесли длинные свечи в шикарных золотых подсвечниках. За каждый из них на Вонючем рынке Нوما можно купить нового раба или лодку, или острый кинжал лучшей бронзы. Но к Амету подсвечники, вот наконец-то и ты. Долго же я тебя ждал. Ох, как долго. А ты – все так же высок и строен, но тренированный цепкий взгляд легко вылавливает мелкие признаки приближающейся старости. Возраст нашел приют в длинных выующихся волосах и едва заметной шаткости походки. Свободная туника не скрывает широкую грудь, и я вижу, что волосы там уже покрылись тонким инеем седины. Ты стар, и тебе пора на по-

кой. Стража и служанки уходят, закрыв за собой створки высоких дверей. Улыбающийся, как хищный степной кот, хозяин спальни остался один на один со своей новой наложницей. Гадкий сластолюбец. Мерзкий покоритель купленных сердец. О твоей похоти уже сложены легенды. Насладись же последней ночью. Я дарю ее тебе.

Ты ложишься на подушки, распахиваешь одежды, а она танцует перед тобой танец любви, танец страсти, танец похоти. Она красива. Все гетеры красивы. Как осенние яблоки – прекрасные снаружи и червивые внутри. Она опускается на тебя. Принимает в себя твою плоть. Стонет вместе с тобой и для тебя. Пора! Я выскальзываю из-за портьеры, легко, ловко, будто не было дня томительного ожидания. В два прыжка оказываюсь за спиной продавщицы любви. О! Ты уже видишь меня! Ты уже кожей чувствуешь, как опускается ладонь на своем горле. Но нет. Я не разочарую тебя. Банальная смерть от удушья – это так постно и пресно. Для тебя я припас совсем другую – красивую, эффектную. Достойную и тебя и твоей последней спутницы. Укороченно бронзовое копье выскальживает из петли на спине и ловко ложиться в руку. Замах с прыжком, как учили, как заставляли, как вбили на уровень инстинктов. Копье как в масло входит в спину гетеры, пробивает ее тело насквозь и, лишь окрасившись человеческой кровью, входит в твое напряжённое тело. Не можешь кричать? Я знаю, я верю. Ужас рвет твоё горло, как бронза, что рвет, ставшую вдруг такой мяг-

кой и нежной, грудь. Я наваливаюсь на широкую, обмотанную кожаным ремнем пятку древка, и давлю, пока не чувствую, что острие уперлось в плиты пола. Вот так. Я исполнил свой долг, я был с тобой до конца. Прощай Аврелий. Прощай мой император.

В то утро я проснулся в холодном поту. Алекс с сочувствием смотрел, как я тру тяжелое от сна лицо. Над морем занимался неприятный, серый рассвет. Хорошего дня можно было не ждать. Я прислонился к борту, не в силах отойти от липкого, пропитавшего тело страха. Как всегда сон почти не оставил в голове внятной информации, рассыпался на фрагменты, терялся в мусоре непонятных ниточек и цепочек событий. Картинки пережитого тускнели, потеряли реалистичность, но ужас и возбуждение от пережитого остались.

– Опять кошмар? Ты стонал, как осел на бойне.

– Да. Кошмар. И, знаешь, таких я еще не видел.

– Бывает. Мне тоже иногда снятся страшные как смерть гетеры, за которых я вдобавок зачем-то заплатил.

– Ну и шутки у тебя. Лучше скажи, как зовут нашего императора?

– Императора зовут Император, балда.

– Ладно. Я не буду обижаться на балду, и спрошу по-другому. Как его имя? Ведь даже у императора должно быть имя.

– Вот ты про что. А на кой оно тебе? Ну, Ираклий. Священный посланник бога на земле, и на море, и вообще везде

Ираклий. А что?

– Понятно. А кто такой Аврелий?

– О, друг, к тебе возвращается память? Аврелий – дядя Ираклия. Ну и наш предыдущий император. Он умер от желтой лихорадки полгода назад. Говорят, заразился от новой гетеры. Привезли девку, в подарок откуда-то из южных провинций, и сразу к нему в спальню, а на юге лихорадка дело обычное, столько народу косит. Аврелий тот еще был распутник, да простят меня боги, что я плохо о покойном. До сих пор байки о его подвигах по курманам таскают. И отнюдь не о подвигах во славу империи. – Алекс заржал, затыкая рот кулаком.

– Глупость. Он умер не от лихорадки. Это я убил его. – Смех Алекса застрял у него в горле, и вылез, только когда я похлопал друга по спине. Отдышавшись и прокашлявшись, Алекс постучал по моему лбу грязным пальцем.

– Семен. Раньше ты хоть просто ничего не помнил, теперь еще и с ума сходишь. Ты бы здесь не сидел, сделай такое!

– А если именно из-за этого я здесь?

– Не говори ерунды! За такое тебя бы не на арену выбросили, а собакам скормили. Живьем. Три раза подряд. Подвинься лучше, развалился тоже мне, убийца.

Принесли утреннюю кормежку. Доев скудный паек, мы потащили галеру вперед. До каменоломен оставалось три дневных перехода, погода портилась, начал накрапывать мелкий дождь и капитан мечтал переждать непогоду в спо-

койной гавани.

Мы не успели. Шторм догнал нас к вечеру. Сначала все небо заволокли огромные черные тучи. С каждой минутой усиливающийся ветер трепал наш кораблик, как детскую игрушку. Мы намертво застопорили весла, для надежности привязав их толстыми канатами к вбитым в настил кольцам, а сами легли сверху на уже вибрирующие рукояти. Теперь только лунные боги распоряжались нашей судьбой. Дождь набрал силу. Огромные волны перекатывались через низкие борта, заливая и нас и грузовую площадку. Вскоре одно за другим стали срываться со своих привязей обезумевшие от ветра весла. Многие так и остались привязанными, но сломленные волнами о край гребного окна они ожившими морскими демонами обрушивались на руки и спины недавних хозяев. Трещали кости, смешивалась с соленой водой не менее соленая кровь. Мир превратился в заполненный морской пеной кошмар. От криков извивающихся в жутких муках людей хотелось вскочить и выброситься за борт. Но цепи продолжали держать меня. Еще одна волна, срежет и треск под левым локтем. Обрубок весла как толстая змея вырвалось из наших рук и из ненадежного крепления. Время замедлилось. Я вижу, как Алекс с трудом уворачивается от тяжелой рукояти. Втягивает голову в плечи, валиться в проход и весло проходит над его головой. Но я так сделать не успеваю. Я сижу ближе к борту, и деваться мне некуда. Удар. Я лечу в пропасть, а в глаза заполнила разрывающаяся вспыш-

ками темнота. Спасительное беспамятство поймало меня в мягкие объятия.

Свет. Свет и запах соли. Запах мокрого дерева, старой кожи и протухшей рыбы. Все это так знакомо. Кто я? Кто-то бесчеловечно жестоко трясет меня за плечо. Зачем? Оставьте меня здесь. Но свет и мешанина запахов не отпускают меня. Так же как и чья-то грубая рука. Я рывком сел на скамью и опять оказался в мрачном мире галерных рабов.

– Ну, наконец-то. А я думал ты все – окочурился. – Алекс ухмыльнулся во весь рот. Со вчерашнего дня в нем стало ровно на один зуб меньше. – Вовремя ты. Еще чуть-чуть, и оказался бы за бортом с остальными мертвяками.

Я молча потряс мутной головой, а когда наконец-то туман ушел, огляделся по сторонам. Картина была даже ужасней, чем я мог представить. Справа от нас холмами вздыбилась раскуроченная в щепу грузовая площадка. Грузового трапа будто никогда и не существовало, а через широкий проем за нашими спинами на царящий в трюме хаос спокойно взирает голубое беспечное море. Кормовая надстройка выглядела почти не тронутой, а вот площадка надсмотрщика присоединилась к обломкам внизу. Весел осталось два – три на борт, да и те готовились развалиться от первого же гребка. Больше всего пострадали рабы. Никто не додумался нас отцепить, и почти все гребцы, сидящие ближе к борту, пялились на мир остекленевшими глазами. Тем, что сидели у прохода, повезло больше – отделались синяками, переломами и выбитыми

зубами. Хмурые надсмотрщики освобождали трупы от цепей и огрызков весел. Подняв тела на палубу они скидывали их за борт, даже не клеймя по обычаю лбы. После такой ночи никому не было дела до обычаев.

К моей радости Мумр тоже пережил шторм, но его голове досталось еще больше чем моей. Один его глаз заплыл настолько, что я сомневался, а есть ли он там вообще. Вдруг опомнившись, я провел языком под зубами – все на месте, хотя многие и шатаются. Удар весла пришелся выше, вскользь задев лоб и рассадив ухо.

– Ладно вам страдать – Алекс не смотря ни на что, лучился оптимизмом. – Главное остались живы.

Мумр обернулся и тоже оскалился, с трудом разлепив опухшие губы.

– А что теперь?

– Достанут запасные весла, они всегда есть, хоть пара штук. И поплывем обратно на остров. Будут чинить галеру, нас на время загонят в бараки. Во всем нужно искать выгоду – отдохнем досыта.

Вдруг надсмотрщики бросили грязное тело очередного покойника и сгрудились на палубе над нашими головами. Выбежал капитан в измятых одеждах и присоединился к ним. Гребную яму наполнила абсолютная тишина. Что назревало. Я всем телом ощутил, как крениться на повороте колесница моей судьбы. А потом по рядам выживших гребцов потекло липкое, неприятное, отдающее смертью – "Пи-

раты..."

Глава 8.

О! Пираты – с первого же дня на галерах это было любимой темой Алекса. Он восхищался ими. Он завидовал им. Он мечтал присоединиться их братству. Он не считал, что они занимаются чем-то недостойным, отнюдь, по его мнению, они занимались промыслом уважаемым и главное приносящим неплохую прибыль. Мумр не разделял его мнения. Для него пираты были грязными подонками и убийцами, заслуживающими только веревки и топора. Они часто спорили вечерами, выдвигая целые горы доводов и доказательств. С пеной у рта они грызлись за собственную позицию и не раз привлекали внимание надсмотрщиков – конечно палок доставалось и мне тоже, хотя я участия в спорах не принимал за отсутствием определенной точки зрения. Из рассказов Алекса и Мумра я составил собственное представление об этой братии. Состояла она в основном из всякого рода дезертиров и беглых рабов. Но встречались и крестьянские сыновья, темной ночью испарившиеся с осточертевших отцовских полей, и даже порой благородные разорившиеся патриции, младшие сыновья знатных и уважаемых вельмож. Благодаря хорошему образованию и умению разговаривать с толпой они нередко становились капитанами пиратских посудин. Кого не было среди пиратов – дак это честных людей. Все они были в той или иной мере преступниками. Все убивали, и не раз. С этим был согласен даже Алекс, но эта чер-

воточина только придавала шарма морским шакалам. Нападали пираты чаще всего на торговые галеры и корабли благородных. Обдирали все, что представляло ценность, а потом нещадно топили захваченные суденышки. Не брезговали пираты и вымогательством за жизнь пленников. У нас не было ничего, кроме ломанного подгнившего дерева и кучки замордованных рабов. И что привело их к нашей камневозке, было для меня загадкой.

– Алекс, зачем мы им? У нас же ничего нет, даже камней.

– Глупый ты Семен, и умнеть видимо не собираешься. Им нужны мы. Ты, я и этот дурачок-шаман.

– Сам ты, Алекс, дурак! Напущу на тебя понос или заворот кишок – узнаешь, как потешатся над шаманами.

Они опять сцепились, как два портовых пса, но я их не слушал. Все встало на свои места. Пираты тоже попали в шторм и так же как мы потеряли гребцов. Вот и решили пополнить трюмную команду за счет нашего едва держащегося на воде корыта. Что и подтвердилось, едва мои друзья успели окончательно рассориться. На бор упала специально заготовленная на такой случай плаха с крючьями на торце, и на палубу посыпалось стадо диковинных, невиданных мною прежде демонов. По-другому назвать эти создания толи Таллея, толи Аммета было нельзя. Загорелые до черноты, в одних набедренных повязках, с разноцветными платками на головах – дикие обезьяны из джунглей Мумра, а не пираты. Хотя к тому времени обезьян я ни разу не видел, и судил

о них только по рассказам шамана. Но на мой несведущий взгляд пираты были страшнее.

Капитан и надсмотрщики сбились в кучку у кормовой надстройки. Воспрепятствовать захвату судна они ничем не могли, и сейчас мечтали хотя бы остаться в живых и самим не угодить на весла. Пират, судя по самому живописному костюму, главный в этой куче, потолковал с капитаном, из рук в руки перешел тугой кошелек извлеченный из складок белой, но порядком грязной мантии. Команду оставили в покое и занялись нами. Пираты ходили между рядами и выбирали самых сильных гребцов. Скоро добрались до нас. Цепи сняли, и куча звероподобных, заросших грязными бородами людей поволокла нас на палубу.

Только забравшись по узкой лестнице наверх, я увидел пиратскую галеру. Она разительно отличалась от нашей. Узкая, длинная. С двумя радами тонких весел. Пиратка была выше нашей грузовой лоханки, и на ее палубу я заглянуть не мог. Во время шторма дирема пострадала намного меньше, но мелких поломок тоже хватало. По сравнению с пиратским кораблем наше судно выглядело настоящим корытом. Дирема, конечно, уступала в скорости и мощи военным триерам и биремам, что я видел в порту, но была легка и вертка, что в морском бою зачастую значило намного больше. Судя по многочисленным переделкам, изначально корабль предназначался для увеселительных прогулок какого-то богатого вельможи, и, только уже приняв на борт пиратскую команду,

обзавелся бронзовым тараном и квадратными щитами вдоль бортов. Это мне шепотом подсказал сведущий в морских делах Алекс.

Наконец пираты закончили выбирать гребцов – на веслах осталось всего пять-шесть рабов. С такими силами разбитой галере предстояло шлёпать до Иредоса не меньше двух недель. Но лицо капитана лучилось счастьем – ему было плевать на нас и на корабль, главное сам остался жив и свободен. Он равнодушно смотрел, как по длинной скользкой плахе нас загнали на борт пиратского корабля.

Сразу за высокими щитами открылась широкая палуба. Яма для гребцов с площадкой надсмотрщика посередине делила палубу на две части, соединенные для удобства узкими мостками без перил. На носу и на корме уродливо топорщились надстройки. Как и нос корабля, их неоднократно переделывали и расширяли, что не прибавляло кораблю красоты, хотя положительно влияло на удобство длительных морских походов. Надстройка на корме была выше и просторнее, потому сразу становилось понятно – в ней живет капитан с помощниками, а носовая для остальной команды. Мою мысль подтверждала отсутствующая в носовой каюте дверь. От нее остались только измочаленные кожаные петли.

Мы как стадо животных столпились у высокого борта. Абордажную плаху отодрали и втянули назад – наша бывшая посуда отвалила в сторону. Расстояние между кораблями стало медленно увеличиваться. До новых рабов пока нико-

му не было дела, пираты о чем-то спорили, столпившись вокруг вожака. С нами осталась лишь пара громил вооруженных палками и длинными ножами. Вдруг Алекс оживился и стал пристально высматривать кого-то в кучке не участвующих в споре пиратов сидящих на крыше кормовой надстройки, а потом закричал и замахал руками:

– Николай! Николай! Я здесь! – Он прыгал на месте и махал руками, к нему потянулись руки и палки надсмотрщиков, но он не унимался. – Николай!

В толпы пиратов вдруг встал рослый загорелый детина в красном платке на голове, закрутил головой, а потом разглядев нас тоже закричал

– Алекс! Сучий ты сын! Алекс!

Он спрыгнул на палубу, бросился к нам и выволок из толпы Алекса. Охранявшие нас пираты не мешали ему, а лишь отогнали нас обратно к борту от крепко обнявшейся парочки. Мы с Мумром смотрели на Алекса и незнакомца Николая во все глаза.

– Алекс, старый ты пердун. Как ты здесь очутился?

– От пердуна слышу! Подрался с начальником стражи, вот и очутился на галерах. Слава богам они послали мне на пути тебя. Но ты как стал пиратом, ты же остался в деревне с отцом?

– Сбежал я от него. Достал он меня своей пшеницей. И коровами тоже достал!

Братья опять обнялись, а потом Николай поволок Алекса

в сторону остальных пиратов. Мы остались с Мумром переглядываться – странные повороты выкидывает судьба. Нас усадили прямо на палубу. Охранники тоже уселись рядом. Они о чем-то беседовали на незнакомом гортанном языке. Толпа пиратов на корме рассосалась. Многие ушли в носовую надстройку, с ними затерялись и Николай с Алексом, остальные растянулись прямо на палубе явно намереваясь вздремнуть.

Через пару часов Алекс с братом вернулись. Наш друг был уже не так весел.

– Вставайте. Сейчас будут распределять рабов по веслам, нам тут делать нечего.

Мы с Мумром, кряхтя, взгромоздились на затекшие ноги и вместе с Алексом перешли к другому борту, подальше от кучи рабов. Николай остался помогать с сортировкой. Пираты выбирали по одному человеку и отводили их в яму гребцов, усаживая на пустые места.

Усевшись на палубу, мы прижались спиной к шершавому борту. Алекс протянул нам кожаную фляжку:

– Пейте – это вино – оно вас взбодрит. – Он хмурился и старался не смотреть мне в глаза. Мумр приложился к горлышку, а я заговорил с Алексом.

– Выкладывай, что случилось. Вижу же, что не все в порядке.

– Даже не знаю, как сказать... – Он зарылся пальцами в спутанные волосы. – Понимаешь, Николай мой брат. И меня

в команду возьмут без вопросов, он за меня ручается. Мумру тоже ничего не грозит. Он шаман – его боятся. Хочет – останется на корабле, а хочет – сойдет в первом же порту, где терпят пиратов.

– А что со мной?

– За тебя Семен поручится некому. Мое слово здесь никакой роли не сыграет – сам новичок.

– Хорошо, я останусь в первом же, как ты сказал, порту.

– Не выйдет. – Алекс отвернулся. Мумр оторвался от фляги и закончил за него.

– Тебе придется доказать что ты достоин стать пиратом – или пойдешь на весла как и остальные рабы. Хотя можешь пойти и не на весла – а напрямик за борт.

Алекс наконец-то посмотрел мне в глаза – в них было море стыда и сострадания.

– Прости Семен, я не могу ничего сделать. И Николай тоже.

– И какой подвиг мне нужно будет совершить?

– Выстоять бой с одним из пиратов и как минимум не умереть.

Внутри все сжалось в комок. Теперь понятно состояние Алекса и колющий взгляд Мумра. Никакого боя я не выдержу. Даже замученный раб с весел сможет меня победить. Судьба опять повернулась ко мне самым грязным и вонючим боком.

– Не переживайте, здесь нет вашей вины. Когда и с кем

мне драться?

– Через час встанем на якорь. Драться будешь с помощником капитана. Побеждать не нужно. Главное выстоять положенное время, капитан выставит песочные часы. Пойдем выбирать оружие. Мумр, ты с нами?

– Нет, подожду вас здесь. – Он опять присосался к фляжке.

– Как хочешь.

Алекс привел меня в носовую надстройку. Изнутри она выглядела еще более замызганной, чем снаружи. Стены, когда-то украшенные гобеленами и панелями из красного дерева, почернели от грязи и дыма. Дверь на носовую площадку заколотили крест-накрест, и попасть туда теперь можно было, только перебравшись через крышу. Вдоль стен тянулись низкие скамьи, но на них никто не спал, все предпочитали валяться прямо на полу. Пираты, сидящие за длинным, стоящим посередине комнаты столом, не обратили на нас никакого внимания. Их глаза были прикованы к катящимся по столу игральным костям. Обогнув стол, мы прошли в самый дальний угол, где на грязном одеяле лежала куча старого бронзового оружия. Некоторые вещи уже ни на что не годились и мечтали о переплавке, некоторые же еще могли послужить.

– Это ничейное. Когда захватывают галеру, все, что не смогло найти нового хозяина, сваливают сюда. Выбери что-нибудь по руке. Я бы взял вот этот топор. – Он выбрал из

кучи старый, весь в зеленой плесени топорик. – С более тяжелым ты устанешь намного быстрее.

Я медлил. Что-то крутилось на самом пороге сознания. Что-то очень важное. Поддавшись внутреннему голосу, я наклонился и, порывшись в куче, достал короткое копьё на черной деревянной рукоятке. Длинной чуть больше руки – скорее дротик, чем копьё. От прикосновения к нему что-то знакомое прокатилось по рукам и замерло в груди.

– Я возьму это.

– Странный выбор. Даже с таким обрубком ты быстро устанешь. Да и махать им неудобно. Может все же топор?

– Нет. Я уже выбрал.

– Хорошо. Что с тобой спорить – все равно ни с тем ни с другим обращаться не умеешь.

– И то верно. – Я улыбнулся Алексу. Он тоже невольно улыбнулся в ответ.

Подбадривая друг друга дурацкими шутками мы вышли обратно на палубу. Мумр спал, подложив руки под голову. Рядом валялась пустая фляжка. Уже всех рабов развели по своим местам, и галера ровно шла на закат. Может быть, последний закат в моей жизни. Я не знал, как готовится к поединку. Наверно стоило размяться, или выпросить у Алекса какой-нибудь коварный прием. Но ни на то ни на другое не было ни сил, ни желания. Мы просто сидели рядом со спящим Мумром и смотрели на опускающееся к морю солнце.

Глава 9.

Час настал. Кроваво красное солнце почти скрылось в море. Надсмотрщики сбросили большой каменный якорь и отдали гребцам команду застопорить весла. Все пираты выбрались на палубу и сомкнули большой неправильный круг напротив дверей кормовой надстройки. Кто-то уселся прямо на истертые доски, многие забрался на крышу и, свесившись, словно хищные птицы на насесте, смотрели сверху. Посреди круга возвышался огромный заросший черным волосами дегтина в коротких кожаных штанах и красном грязном платке, обмотанном вокруг головы. Мой противник имел довольно крупные мышцы и россыпь боевых шрамов, рассказывающих обо всех предыдущих сражениях. Он перекидывал в руках небольшой топорик, такой же, как предлагал мне Алекс. Посмотрев на эти ловкие отточенные движения, я потерял всякую надежду.

Я замешкался, не решаясь вклиниться в толпу, но Алекс подтолкнул меня.

– Не бойся. Видимо такова судьба. И знай, что бы ни случилось, и как бы не пошел бой – я все равно верю в тебя.

– Спасибо, Алекс.

– Иди. Ты был мне хорошим другом.

На подгибающихся ногах я доковылял к центру круга. Из дверей надстройки вышел капитан. От страха у меня плыло в глазах, и я никак не мог его рассмотреть. Вот он переместился поближе, наклонился – поставил на палубу песочные часы. Потом из этого качающегося передо мной пятна раз-

дался голос:

– Черный, я не хочу чтобы ты убивал его, но если убьешь – никто горевать не будет. Раб, тебе нужно просто выжить. Если ты будешь жив к моменту, когда упадет последняя песчинка – ты станешь одним из нас. – Он перевернул часы и отошел в толпу зрителей.

Бой не начался, он навалился на меня, как наваливается ночной шквал – сразу и без всякого предупреждения. Я лишь половчее перехватил копьё, держа его в прижатой к боку правой руке острием вперед. Мой противник решил не затягивать дело. Он прыгнул вперед и со всей силы рубанул топором. Я неловко отшатнулся назад, и остро заточенное лезвие просвистело у моей груди. Еще один удар, и еще – я едва успевал уворачиваться. О том чтобы ударить самому не было и речи – первая моя контратака тут же стала бы последней. Песчинки в стоящих у ног капитана часах падали слишком долго. Нереально долго. Мы завертелись в безумной пляске. В своих попытках увернуться я умудрился два раза обойти ряд зрителей. Не считая пары глубоких царапин на руке и груди, я оставался относительно цел, и это вселяло надежду. Где-то внутри меня даже родилась мысль, что не все так плохо как казалось вначале. Зря. Пирату надоело бегать за мной – он прыгнул вперед и с невероятной скоростью ударил, стараясь попасть или в грудь, или в шею. Это был смертельный удар. Удар, от которого нельзя увернуться или убежать. Время замедлилось, повисло тягучим плев-

ком. Я видел летящий на меня топор, открытые рты зрителей вокруг, перекошенное от страха за меня лицо Алекса, невозмутимое и отстранённое лицо Мумра. Что-то щелкнуло в моей голове, словно лопнула толстая яичная скорлупа. Все, что произошло дальше, я уже не контролировал. Резко откинувшись назад, я согнул ноги и почти распластался вдоль палубы, опираясь только на тупой конец копья. Топор со свистом пролетел над головой, на два пальца разминувшись с кончиком носа. Я рванулся вперед, упал на колени, и рука сама вбила копье в незащищенный бок противника. Не мешкая, я отпустил копье и откатился в сторону. Черный так и не понял, что произошло. Выронил топор и ухватился за окровавленное древко копья. Он не смотрел на рану, он смотрел на не меня, и в его умирающих глазах читалось безграничное удивление. Как у ребенка, только что потерявшего самую любимую игрушку. Потом глаза закрылись, и тело рухнуло на палубу.

Я тяжело поднялся на ноги. Меня трясло. В первый раз сам, без помощи Алекса или Мумра я убил человека. Убил человека. Растолкав пиратов, я бросился к борту, свесился наружу – меня вырвало. Молчание вокруг было громче любого крика. Все были в ступоре, все произошло слишком быстро и слишком нереально. Я обтер грязный рот и обернулся. Ко мне подошел капитан и похлопал по плечу:

– Теперь ты с нами, брат. – Потом развернулся искомандовал пиратам. – Уберите это дерьмо с моей палубы.

Два пирата подхватили труп и, несильно раскачав, выкинули за борт, даже не вынув копья. Туда же полетел чуть не прикончивший меня топор. Солнце, не в силах удержаться за покрывало моря, утонуло в черной воде.

Ошарашенная публика расползлась по своим норам. Нам сняли рабские ошейники, и мы просто сидели на палубе, грызли твердый до зубной боли сыр и отдающие плесенью кукурузные лепешки, запивая нехитрый ужин кислым приторным вином. Звездное небо над нами становилось все глубже и глубже. Только что взошедшая Селена заливала дирему холодным призрачным светом. Я все еще не отошел от схватки и делал все механически: жевал, дышал, отвечал на вопросы друзей.

– Как ты его, а! – Алекс сказал это наверно уже в десятый раз. – Я даже не ожидал. Красавец! Расскажи – где так научился?

– Не знаю. Не помню.

– Неплохо устроился, Семен, на все вопросы один ответ – не помню! – Алекс с Муром заухмылялись.

– Я, правда, не помню. Оно само получилось. Будто руки и тело сами знали, что делать. А я просто смотрел со стороны. Как зритель.

Мумр внимательно посмотрел на меня, а потом зачастил.

– Кто-то стер твой ум и твою память. Стер, как морские волны стирают рисунок на песке. Но память тела это не память головы. Ее нельзя стереть. Она как камни на песке. Вол-

ны уходят, стирая рисунки, а камни как лежали, так и лежат. И знаешь Семен, в той прошлой жизни ты убивал людей, и убивал очень хорошо. Не удивлюсь, если твои руки по локоть в крови и именно за это у тебя отобрали память. – Сказав это Мумр отвернулся, лег на палубу и мгновенно уснул. Вот так всегда – наговорит кучу, а за объяснениями ходите куда хотите. Мы ошарашено переглянулись с Алексом.

– Ты что-нибудь понял?

– Только то, что Мумр считает тебя профессиональным убийцей

– Меня?!

– Угу.

– Бред.

– А мне кажется, в его словах есть доля правды.

Мы посидели в темноте, переваривая слова шамана. Так и не найдя в них больше никакого тайного смысла тоже растянулись на палубе. Я думал, что после пережитого потрясения долго не смогу уснуть, но провалился в сон, едва коснувшись досок. В сон без сновидений. И что самое приятное – впервые за многие месяцы вытянувшись во весь рост.

Странная штука – утро. Уже светло, но мир еще тих и неподвижен. Солнце только-только выглянуло над горизонтом. Я любил такие моменты еще будучи прикованным к веслу. Теперь, не ощущая цепей, я позволил утру захватить мой разум целиком. Поднявшись с палубы, я пробрался между спящими Алексом и Мумром, а потом и другими лежащими

в беспорядке храпящими и сопящими телами. На площадке надсмотрщика сидели два пирата с покрасневшими глазами, и вяло резались в кости. Последняя предутренняя смена самая тяжелая – сон в такое время самый сладкий. Забравшись по узкой лесенке на носовую надстройку, я подошел к борту. Передо мной раскинулось безграничное синее море. Неужели это правда? Больше не будет надсмотрщиков, весел, боли, унижения. Я не знал, что делать с этой неожиданно обретенной свободой. Есть ее? Пить жадными глотками? Ничего не придумав, я разбежался и, прыгнув через борт, вонзил тело в зеркало воды, едва не врезавшись в далеко выпирающий таран. Свобода! Если ради нее нужно убивать, то я был готов. Но гнуть спину и унижаться я больше не согласен. В тот первый вечер на пиратском корабле вместе с морским шакалом умер раб Семен. Я еще не понимал, кем буду и кем хочу стать – но остро чувствовал, как что-то просыпается внутри. Злое, язвительное, и желающее взять от окружающего мира все.

Сзади раздался плеск. Я обернулся и увидел черную голову Мумра, фыркающего словно огромный кот. Рот до ушей. Белые зубы на фоне синеватых губ выглядели как минимум дико. Распираемый счастьем я не мог, не улыбнулся в ответ.

– Что теперь шаман?

– Теперь надо выжить.

– Почему опять выжить? Мы же теперь не рабы!

– Не теш себя надеждами, что ты теперь свободен. Каж-

дый человек раб своей судьбы. Это жестокий мир, в котором унижения и боли не меньше чем в яме гребцов. И выжить тут непросто.

– Откуда ты знаешь? Ведь ты не был пиратом.

– Я это и не обязательно. Жизнь везде одинакова. Свободны только птицы в небе. Да и тех умудряются сбить пращей и сожрать. – Мы засмеялись над глуповатой шуткой.

Раздалось дикое улюлюканье, и между нами задницей об воду приложился Алекс. Вынырнув он запричитал, глядя под водой ягодицы. Мы с Мумром хохотали, так что чуть не утонули. Алекс сначала обиделся, но потом тоже присоединился к нашему веселью. Чтобы не говорил Мумр, это была настоящая свобода!

Через борт свесился матерый пират:

– Эй вы, крысы водяные, вылезайте. Вас зовет капитан.

Мы забрались на палубу по якорной цепи. Здесь уже кипела жизнь. Команда сновала туда- сюда. Уже покормили гребцов и готовились водить их за борт. Как только мы перевалили через борт, пошла первая пара.

Стараясь никому не мешаться, мы пробрались к кормовой надстройке.

Глава 10.

Глаза привыкли к темноте, и я смог рассмотреть каюту. Тесное помещение находилось в самом центре кормовой надстройки. Низкий закопчённый потолок ощутимо давил на голову, так и хотелось пригнуться пониже. Хотя я и мог

позволить себе стоять прямо в отличие от Алекса. Окон не было, и пространство освещали лишь оплывшие свечи в высокой бронзовой подставке.

– Садись братья. Прошу, не стесняйтесь.

Капитан, сидевший в центре каюты на груде подушек, был сама любезность – кроме как на пол сесть было некуда. Вместе с товарищами я опустился на истертые доски и подтянул под себя ноги. Сидеть в такое позе было жутко неудобно, но мне казалось, что в гостях мы не задержимся. В шаге от подсвечника все тонуло во мраке. Я с трудом разобрал лишь массивный сундук у дальней стены и рядом еще какие-то разбросанные вещи. Гора подушек под капитаном видимо служила ему и постелью. Весьма практично, стоит заметить.

Теперь в спокойной обстановке я лучше рассмотрел вожака пиратов. Невысокий, плотный, уже немолодой – седина отсвечивала серебром в неровном свете свечей. Длинные волосы лежат по плечам и по моде патрициев перехвачены золотым ободком на макушке. Белая, не первой свежести туника скрывает тело. По рассказам Николая капитан был младшим сыном знатного вельможи, но за необузданный нрав был лишен наследства. Никто не знает, что в итоге толкнуло его на путь пирата, но авторитете его среди морских волков был непререкаем.

– Ну что ж, братья, раз вы устроились, начнем. Меня зовут Алексаниди. Но вы можете звать меня просто Капитан. Это

мой корабль, и пока вы на нем ваша жизнь принадлежит мне. Захотите уйти – никто не держит. Убирайтесь в первом же порту. Но до этого момента – вы мои. Это понятно? Мои. И я могу делать с вами все, что захочу. Захочу – просто убью, захочу – живьем пойдете на корм акулам. А захочу – осыплю золотом – будете купаться в нем и есть на ужин.

Мы молчали. То, что он сказал, не было для нас новостью, но сказанное вот так открыто, требовало времени для усвоения. Капитан не мешал нам. Просто сидел и потягивал красноватый дым из небольшого кальяна. Решив, что мы достаточно разобрались в его словах, он продолжил.

– Вы узнали кто я, теперь давайте разберемся кто вы. Двоих из вас я знаю. Мумр – шаман дождя. О том, как ты сделал стражника на пирсах Иредоса уже ходят легенды. В некоторых из них ты его даже поджарил и потом съел, а в других поджарил не одного, а целый десяток. Но это неважно, главное я о тебе слышал, и уважаю твой дар, так же как и твой народ. На моем корабле ты желанный гость. – Мумр лишь степенно кивнул в ответ. – Ты – Капитан ткнул пальцем в Алекса – бывший стражник. О тебе даже говорить нечего. Николай – твой брат, он поручился за тебя, и я ему верю. Если ты меня огорчишь – сдохните оба. Добро пожаловать в команду. – Алекс не нашелся, что сказать. Пока он думал, Алексаниди повернулся ко мне, и взгляд его не предвещал ничего хорошего. – Ну что ж, осталось самое интересное. О тебе, Семен, я не знаю ничего. Но надеюсь, что ты сам рас-

скажешь. И расскажешь честно.

Я каменным истуканом сидел перед ним и не знал что отвечать. В данный момент честность могла выйти мне боком. Алекс и Мумр смотрели куда угодно, но только не на меня. Они понимали ужас ситуации ничуть не хуже. Не в силах что-либо придумать, я так жал пальцы, что явственно слышался хруст.

– Начинай. Я жду. – Капитан уставился на меня, как кот на съевшую хозяйский сыр мышь. Мышь, забившуюся в глухой угол. Он уже знал, что я виновен, но не торопил события. Ему, как и пресловутому коту, слишком нравилась сама игра.

– Я не знаю, что вам сказать Алексаниди. Я не помню ничего из своей жизни до арены Иредоса и галер.

– Ничего? – Капитан мне не верил и не пытался это скрыть. Вдобавок мои ноги и спина уже затекли, и я неловко попытался сесть удобнее. Со стороны могло показаться, будто я нервничаю.

– Ну что ж. Проверить лжешь ты или нет очень просто.

Капитан потянулся за спину и достал из вороха одеял небольшую шкатулку черного дерева. Он аккуратно откинул крышку и не торопясь достал противную, красную с редкими желтыми пятнами змею. Меня передернуло. Волна паники едва не захлестнула мозг. Такая же реакция была у Алекса. Один лишь шаман сохранял абсолютное спокойствие. Естественно Капитан обратился именно к нему.

– Мумр, ты знаешь кто это? Я уверен, что знаешь. – Его рот расплылся в улыбке. – Расскажи же и остальным.

– Это Кохи. Змея правды. Их приручает мой народ и использует, чтобы узнать врет ли человек или обманывает.

– Да. Именно так. Коротко и предельно точно. Умеете вы шаманы излагать мысли. Это тварь чувствует ложь. Даже самую малейшую. Даже ложь, в которую ты сам поверил. А еще она кусает. Смертельно. За малейшую неправду. Так ведь Мумр?

– Так. – Мумр был мрачнее тучи. Он, как и я, уже догадался, что задумал капитан.

– Возьми ее. Пока ты молчишь, она тебя не тронет. – Он протянул тонкое тельце мне. Я с содроганием протянул руку, и ползучая тварь обвилась вокруг моего запястья.

– Какой красивый браслет. – Капитан улыбался все шире и шире. – А теперь, пожалуйста, повтори свой ответ. Расскажи нам, кто ты.

Меня трясло. А если змея ошибется? Раздвоенный язык скользил в раскрытой пасти. Поблескивали небольшие тонкие зубки. Смертельные зубки. Я решился. Закрыв глаза и произнес:

– Меня зовут Семен, И я не помню кто я.

Ничего не произошло. Я открыл глаза и посмотрел на свою руку. Змея продолжала покачивать головой, и от чего-то совсем не пыталась меня укусить. Потом соскользнула на пол и скрылась где-то среди подушек. Алекс облегченно

выдохнул. Капитан же был явно разочарован.

– Ну что ж. Раз так – то разговор окончен. Убирайтесь на палубу. Николай объяснит вам ваши обязанности. – Он взялся за кальян, показывая, что разговор окончен.

Мы, кряхтя, встали и вышли из каюты.

Жизнь пиратского корабля мало чем отличалась от грузовой галеры. Гребцы внизу, команда наверху – лишних людей нет. Часть пиратов занималась исключительно кораблем. Кормили рабов, по утрам и вечерам гоняли их в море, делали текущий ремонт. К этим трудягам приставили и меня. Готовить я не умел, плотник из меня тоже бы никакой, поэтому вся моя работа заключалась в присмотре за рабами. Вместе с еще одним пиратом я утром и вечером привязывал рабов к длинной веревке и спускал их по веревочной лестнице в море. Днем работы не было, и я торчал на корме, слушая пиратские байки. Алекса брат забрал в abordажную команду. Обязанности этих громил сводились к постоянным физическим упражнениям и оттачиванию умения работать с оружием. Я с удивлением увидел, что в бою на топорах Алекс весьма хорош. Редко кто из пиратов мог его победить. Всей команды вместе с нами набиралось двадцать человек. Вполне достаточно, чтобы легко захватить торговый корабль. А против военной триеры с ее сотней красных шапок все равно не устоять, хоть набей рубаками весь корабль. Больше всего меня удивил Мумр. Он решил отоспаться за все месяцы рабства. С утра до вечера он валялся на самом солнцепеке

носовой надстройки. Никто не смел, заставить его чем-нибудь заняться, и это шамана абсолютно устраивало. Прошла неделя плаванья, а мне уже казалось, что я всю жизнь провел на этом корабле. Монотонная спокойная жизнь втянула меня, и ужасы галеры стали забываться.

Причина такой спокойной жизни раскрылась очень быстро – капитан Алексаниди не любил разбоя. Он считал его слишком грязным для своего высокородного происхождения. Помышлял же он в основном вымогательством, торговлей рабами, перепродажей краденого товара. А еще он торговал информацией. С его слов, это был самый выгодный товар. Хотя если по дороге попадалась торговая галера – никто с миром ее не отпускал. Зачем отпускать добро, что само пришло в руки.

С того дня как мы попали на корабль курс не менялся. Мы шли строго на юг. Что мы там искали, никто не знал – капитан не имел привычки делиться с командой своими планами. Вечерами на корме старые морские псы высказывались, что, скорее всего, мы идем в Димею. Эта пиратская столица собирала в себя весь сброд южных морей. Но до нее было еще две недели пути, и наш курс мог запросто измениться. Имперские корабли сюда уже не заплывали и команда ослабилась. По вечерам доставали остатки кислого вина и все напивались до полусмерти. Нередко пьянки заканчивались драками, тогда в ход шло все, что попадало под руку. Алекс обожал такие побоища. Он отводил душу за все месяцы, что

был прикован к веслу. Наутро о вечерних обихах никто не вспоминал, и все начиналось сначала. Капитан не обращал на этот бардак никакого внимания. Он редко показывался на палубе, переложив руководство на своих помощников Айвона и Николая, брата Алекса.

Мы с Мумром в вечерних попойках не участвовали. Молча сидели на носовой надстройке и любовались закатом. Мумр стал задумчив и молчалив. Что-то точило его душу, но что, я понять не мог. А спрашивать было бесполезно.

Время прошло быстро, однажды утром перед нами раскинулась дельта огромной реки. Димея находилась в самом центре паутины заливов и протоков на большом пустынном острове. Разглядывая город с высокой кормовой надстройки, я никак не мог понять, что меня смущает. И только уже помогая швартоваться у пирсов понял – в городе не было ни одного каменного здания. Только палатки и шатры всех размеров.

Мы шли по узкой улице между занимающих все свободное пространство торговых рядов. Александи решил отправиться в город, и двум пиратам пришлось волочь на плечах его старый затасканный паланкин. Конечно, как новичкам, эту работу навесили на нас с Алексом. Никого, в том числе и самого капитана, не смущало, что из-за разницы в росте носильщиков паланкин сильно кренился назад. С нами так же пошли Николай и еще один пират, с огромными мышцами и совсем маленькой головой. Он шел перед паланкином и мол-

ча распахивал бурлящую орущую толпу. Только ради этого его и взяли. Галера, высадив нас на пирсах, ушла обратно в море, пираты не меньше наших бывших хозяев боялись бунта рабов, и не ночевали в порту. Ночевать нам предстояло где-то в городе, и Алекс прожужжал мне все уши рассказами о прелестях местных гетер. Непонятно зачем с нами увязался Мумр. Капитан был не против, и вроде как даже обрадовался. А кто бы стал расстраиваться, имея под боком настоящего шамана? О том, что наш шаман ничего кроме поноса нашаманить не может, мы никому не рассказывали, он сам этой темы тоже не затрагивал. Вот и вышагивал теперь великий и ужасный рядом с паланкином, подшучивал над нами, несущими на плечах не хиленького капитана да высасывал украденный с одного из уличных лотков апельсин.

Вокруг нас кипела жизнь. Палатки, шатры, просто травяные навесы и открытые прилавки. Куча местного и пришлого как мы сброда на вертлявых улочках и проулках. Везде шла оживленная торговля. Крадеными вещами, оружием, людьми. Продавали и рабов и рабынь. На любой вкус и кошелек. Голос толпы прибоем бился в мой мозг и в паре с жарой пьянил не хуже вина. Поистине центр пиратского мира.

Наконец Николай вывел нас с этого дикого рынка на чистенькие улочки красивых больших шатров. У одного из них мы остановились и опустили паланкин на землю. Из шатра вышли два огромных чернокожих раба и, подхватив паланкин, занесли его внутрь. Туда же зашел наш мелкоголовый

пират и Николай, сделав нам знак ждать. Мы с Алексом уселись прямо на землю, растирая затекшие плечи, а Мумр стоял над нами думая, о чем-то своем. Николай скоро вернулся и сказал, что до утра мы свободны, потом предложил показать город и провести вечер в хорошем месте. Конечно же, никто не стал возражать.

Глава 11.

– Эй, Мумр, смотри! Беги быстрее сюда и смотри, я нашел твою маму!

Наша компания задержались у лотка с ножами и наколочниками для копий, а неугомонный и любопытный Алекс ушел дальше за угол. Именно оттуда сейчас раздался восторженный крик. Крик, перешедший в истерический смех. Выпили мы конечно изрядно, но не до такой степени. Оставив недовольного лавочника раскладывать товар по местам, Мумр рванул искать остряка. Мы с Николаем едва за ним поспевали. На этот раз Алекс явно переборщил – даже на черной как ночная вода коже Мумра стали различимы бурые и серые пятна. Нет, он не злился – он был в бешенстве. Вслед за шаманом мы завернули за угол, и встали как вкопанные. Перед грязным шалашом из тряпок, натянутых на конструкцию из переплетенных веточек, костей и изъеденных жучками палок, валялся на песке наш остряк-самоучка. Он дергался, сучил ногами по земле, захлебываясь безудержным пьяным смехом. Перед ним совершенно невозмутимо на корточках восседало Нечто. И да простят меня лунные боги, это

Нечто действительно напоминало Мумра. Маленькая старушенция была такой же черной и такой же страшной. На уродливой, покрытой шишками голове во все стороны торчали грязные седые космы. В руках «мать Мумра» держала странного вида кожаный барабан, мелко перебирая сухими костлявыми пальцами по туго натянутой коже. При виде нее на языке крутилось только одно слово – образина. Шаман замер таким же столбом, как и мы. Алекс кое-как успокоился, и, не торопясь вставать, смотрел что будет. Он явно ждал, что Мумр на него накинется, но не собирался извиняться. По крайней мере, не сразу.

– Посмотри, если даже это не твоя матушка, то уж родственница точно. – Он вытянул руку и ткнул неподвижную старушенцию пальцем в лоб. Она в ответ лишь тихо зашипела.

– Алекс, заткнись.

– А что, я не прав? – Алекс не хотел отступать, но шаману дождливых джунглей было не до справедливой мести.

– Нет, ты не прав, а теперь отстань от меня.

Мумр прошел к образине, сел перед ней на корточки и заговорил на такой жуткой тарабарщине, что не только у нас с Николаем и Алексом, а даже у редких прохожих отвисли челюсти. Нам ничего не оставалось, как сесть рядом с Алексом и слушать этот бред. Наконец две обезьяны из джунглей наболтались, и Мумр обернулся к нам.

– Это нтога – предсказательница. Их так мало, что я не

поверил своим глазам, увидев одну из них здесь.

– Ты хочешь сказать, что это и вправду твоя родственница? – Алекс не унимался, и я ткнул ему кулаком в бок. Мумр благодарно сверкнул на меня глазом и продолжил. – Вообще-то она предсказывает только будущее, но для нас она сделает исключение и расскажет прошлое. – Он с неподдельным интересом уставился на меня. – Ты ведь хочешь узнать свое прошлое?

Я не знал что ответить. Я желал этого больше всего на свете, но и боялся не меньше. Видимо Мумр понял мои сомнения.

– Не бойся. Прошлое узнать не страшно, страшно узнать будущее. Этого я никому не пожелаю. Тем более у нтог моего народа будущее всегда окрашено в черные цвета. – Братья прыснули. Николая, кряхтя, встал и потянул за собой Алекса.

– Мы будем тут за углом, выпьем вина в курмане. Развлекайтесь. – Отступить стало некуда.

Мумр что-то затараторил, а потом вдруг перешел на нормальный язык.

– Он хочет узнать прошлое, не будущее.

– Он что, живет задом наперед? – Голос карги на удивление был молодым и наполненным какой-то странной скрытой силой. Закрыв глаза можно было легко представить, что он принадлежит красивой соблазнительной девушке. Я поборол себя и не стал зажмуриваться.

– Нет, я просто не помню кто я.

Бабка долго смотрела на меня, потом почесала морщинистый живот и голые обвисшие груди. Было заметно, что решение далось ей нелегко. Настолько нелегко, что Мумру пришлось порыться в кошеле и протянуть предсказательнице золотую монету. Быстро спрятав ее за щеку, она невнятно прошамкала:

– Ладно, идемте за мной.

Не поднимаясь, прямо на корточках нтога заползла в свой шалаш. Мы, скрючившись как больные глистами собаки, последовали за ней.

Внутри не оказалось ничего кроме грязного земляного пола, куч мусора по углам и забравшегося через щели ветра. Шалаш был пуст как мир после сотворения. Через худую крышу пробивались тонкие лучи уже низкого солнца. Мы уселись посередине, поджав под себя ноги. Предсказательница приладила барабан между костлявых коленок и, медленно постукивая по нему костяшками пальцев, запела. Мумр наклонился ко мне:

– Расслабься. Закрой глаза и пльиви по музыке.

– Это музыка?

– Не ерничай.

Он резко встал и вышел – мы остались одни. Пересилив страх, я закрыл глаза. Слова незнакомого языка становились все тише, тише. Вот остался только сухой перестук барабана. Он становился все медленнее. Медленнее.

Изначальная пустота. Тишина. Стук. Стук. Звук медленно рвет пустоту вокруг меня. Разрезает ее, и непрочная материя тишины расплзается лохмотьями. Я вдруг ощущаю себя подвешенным в замкнутом пространстве. И вдруг стук барабана превратился в шаги. Медленные мягкие шаги. Меня несут. Я легкий. Легче наконечника копья. Судя по шагам, меня несет всего один человек – но как это? Я ничего не вижу. Мои глаза слепы. И вдруг свет! Много света! И нестерпимый жар. Я прозрел, но все что я вижу – приближающуюся пасть кузнечной печи.

Я рывком выдернул себя из омута видения и оказался посреди шалаша предсказательницы. Барабан смолк. Она молча смотрела на меня и ее глаза сочились безграничным непониманием. Рядом со мной непонятно откуда оказался Ммур. Когда он зашел?

– Кто я? И что за бред я видел?

Нтога долго медлила с ответом. Чесала нос, теребила волосы. Даже барабан поскребла. Потом прокаркала каким-то новым, незнакомым голосом.

– Ты – мертвец. А видел ты свою смерть. Тебя нет. Был, но умер. Больше я ничего не знаю.

– Но как же тогда я сижу перед тобой? – Мой голос дрогнул.

– Не знаю. И не хочу больше разговаривать с мертвецом. У мертвецов нет ни прошлого, ни будущего. Уходите. – Она отвернулась и сгорбилась над барабаном. Мумр подхватил

меня под руку и вытащил на улицу.

– Я ничего не понял, а ты? Что за бред она несла про меня?

– Я и сам ничего не понял. Ты, Семен, просто ходячая загадка.

Мы молча пошли рядом. Не в силах понять, я решил выбросить весь этот бред спятившей предсказательницы из головы. О чем думал Мумр, знал только сам Мумр.

– Шаман, у меня к тебе просьба.

– Какая?

– Не рассказывай Алексу и Николаю, что здесь было.

– Как скажешь. – Мумр похлопал меня по плечу. До самого курмана больше не было сказано ни слова.

В грязном низком шатре было до неприличия грязно и душно. Поборов желание сразу выскочить обратно мы принялись искать братьев. Алекс и Николай притулились за кривобоким столиком почти посередине заведения. Сидеть за таким столом можно было только на полу, подогнув под себя ноги, и я горестно вздохнул, представляя, как опять затекут ноги. Увидев нас, Алекс отвлекся от очередной кружки виноградного пойла.

– Ну что? Что она сказала тебе Семен? Узнал кто ты?

– Нет. Несла, какой-то бред.

– Эээ Мумр, да твоя мама не предсказательница, а шарлатанка!

Как не вовремя он это сказал. Мумр прыгнул вперед и сверху вниз врезал Алексу по самой макушке. То ли от же-

стокого удара, то ли от количества выпитого Алекс рухнул на стол и потерял сознание. Не менее пьяный Николай решил вступить за брата, но я схватил его за плечи и прижал к земле. Сидящие вокруг неодобрительно уставились на нас – пришлось заказать для всех по кружечке.

Уже после восхода Селены мы сидели за задней стеной курмана и весело распевали песни. И пусть каждый свою, но дружно и с выражением. Всем известно, что попойка лучший способ помирится с врагами и забыть проблемы.

Утро застало нас на том же месте. Я проснулся первым и не смог не засмеяться. Николай спал у стены курмана, уткнувшись лицом в землю и прикрыв голову руками. А вот Мумр и Алекс спали, обнявшись как самые заправские любовники. Я пощекотал обоих за пятки. Подрав глаза, они с фырканьем отпрыгнули друг от друга, как два задиристых кота. Всю дорогу до шатра, где мы оставили капитана, они не смотрели в разные стороны и поминутно плевались. Я объяснил Николаю в чем причина, и он долго ржал, подначивая то одного, то другого.

Я еще раз, но уже более трезвым взглядом рассматривал город. Вчера я не успел даже обернуться, как друзья меня напоили. Больше всего поражало отсутствие каменных и деревянных зданий. Шатры, палатки, навесы. Некоторые полотняные конструкции не уступали в высоте двухэтажным зданиям, в другие можно было только заползти.

– Николай, а почему нет нормальных зданий? В этом какой-то тайный смысл?

– Ну, ты Семен спросил. Просто нет. Никогда не было. – Николай насупился и, ускорив шаг, догнал Алекса. На удивление ответ нашелся у Мумра.

– Это пиратский город. Они здесь не хотят никакой власти. А как только появятся каменные дома, появится хозяин. Начнет всем указывать, что и как. А так – не понравилось, собрал свои вещи, свернул шатер и ушел. Таких городов вдоль моря еще несколько. Ну и обороняться не надо. Сбежали в пустыню – попробуй, найди.

– А что, уже было такое?

– Говорят, бывало пару раз. Император присылал три-четыре корабля, но, высадившись, они находили только пустые палатки.

– А ты откуда столько знаешь про этот город? Бывал здесь раньше?

– Бывал. – Мумр нахмурился и замолчал, проглоченный старыми воспоминаниями.

К капитану мы притащились зря. Алексаниди решил остаться в Димее еще на один день. Нам объявил об этом поджидавший у входа Мелкоголовый. Хуже всего, что нам не выдали монет. А того что осталось у Николая, было явно маловато для хорошего вечера – вчерашняя попойка обошлась нам слишком дорого. Больше всех расстраивался Алекс.

– Ведь на это даже самой заваливающей гетеры не найдешь.

Даже старой сморщенной и страшной как песчаная буря. Даже одной на четверых.

Меня передернуло. Я, конечно, слышал о свободных нравах пиратов, но участвовать в оргии не желал.

– Я одну на четверых не буду. Это мерзость.

– Да ну тебя Семен. Чистюля нашелся. Не хочешь, не будь. Все равно денег нет.

Гениальный план предложил Николай.

– Тут на задворках знаю хороший курман, можно попробовать сыграть в кости. Мы с Алексом туда, в вы, Семен, прогуляйтесь пока. Мумр покажет тебе город – раз он такой знаток. Воля богов, вечером каждому будет гетера.

Возразить было нечего, и мы разошлись в разные стороны, договорившись, встретится к вечеру на том же пяточке, где провели ночь.

Глава 12.

Уличные музыканты, народ в большей части абсолютно неадекватный. Эту мысль моя изувеченная память хранила крепко. Сидящий передо мной человек убедил меня в этом еще раз. Он был явно молод, но слой грязи не давал возможностей угадать его возраст. Приладив тонкую свирель на сгиб локтя, он производил невообразимый хаос звуков, писков и свистов – а потом, оторвавшись от инструмента, выдавал вполне пристойный мелодичный речитатив. О городе, о том, как в нем живет, и какие страхи терзают разрушенный алкоголем и травкой мозг. Я хотел присесть и послушать

– но шаман ухватил меня за шиворот и не дал усесться на мостовую

– Ты сума сошел?

– А чего – он неплохо поет, я хочу послушать.

– Посмотри на его руки, видишь черные пятна? Ему жить осталось не больше недели – хочешь вместе с ним?

Я отскочил подальше, и стал судорожно отряхиваться. Музыкант даже бровью не повел.

– Ты чего сразу не сказал!?

Мумр оскалился в самой своей жуткой физиономии

– А чего ты сразу не спросил?!

– Этот город еще хуже и гаже чум я думал. – В ответ шаман только заржал.

Весь оставшийся день я внимательно, до рези в глазах, рассматривал руки людей на предмет черных пятен, но слава богам – таких нам больше не попадалось.

Я тащился за Мумром по хитрому узору плещущихся на ветру улиц. Глазел по сторонам. Раздевал глазами красавиц, пялился на диковины, ел все, что совал мне в руку шаман. Благодаря этому ловкачу к обеду мой живот был набит под завязку и уже протестовал против новых экспериментов. Мумр тащил с лотков все, что плохо лежит. Фрукты, пироги с непонятной, но вкусной начинкой, мелкие сладости. С каждого лотка по чуть-чуть – но лотков то море.

– Все, хватит. Еще кусочек и я лопну!

– Хм. А я только начал.

– Ты точно шаман дождей? Мне кажется ты просто уличный воришка.

– Одно другому не мешает. – Мумр дольно оскалился и подмигнул мне странно блестящим на солнце глазом.

Мы остановились у последней линии шатров, дальше шел берег реки. Мелководье и песок были под завязку завалены гниющим на жарком солнце мусором. Что-то отрывал город, что-то приносила вода. Красотой пейзаж не блистал. Море было близко, и вовремя шторма весь этот налет цивилизации наверняка смывало в море поднявшейся водой. Но штормов давно не наблюдалось, и грязная сторона городской жизни предстала перед нами во всей полноте. Хотелось как можно быстрее убраться подальше.

– Ну и куда теперь? До вечера еще куча времени.

– Пойдем вдоль края города, поищем.

– Что? Самый лучший в этом городишке мусор?

– Неа, кладбище

– Кладбище?!

Конечно же, Мумр не стал ничего объяснять. Натянув на рожу маску великой озабоченности и внимательности, он двинулся по тропинке вдоль внешней линии шатров. Пришлось плестись за ним. Люди избегали эти места. Изредка встречались полузаброшенные склады с изодранными стенами и камышовые шалаши бедняков. И те и другие в основном пустые – все кто мог ходить, толклись сейчас на центральных улицах в поисках ужина.

Отмахав изрядное расстояние и изжарившись на солнце до золотистой корочки, мы наткнулись на мечту шамана. Или почти на мечту. Рассмотрев, куда мы пришли, я решил, что гниющий у воды мусор это не самое страшное и отвратительное зрелище.

В Димее были весьма странные понятия о том, что нужно делать с человеческим телом после смерти. На ровной спускающейся к реке площадке стояли большие деревянные помосты, поднятые от земли на высоту половины человеческого роста. Два десятка, может больше. На каждом лежал покойничек в разной степени свежести. Основными похоронными работами заправляли суетсяящиеся, перепачканные кровью чайки. Они бурлящим морем плескались вокруг, многие более свежие тела скрывались под кучей копошащихся птиц. Зрелище отвратительное. От гомона сотни птиц звенело в ушах. Я едва докричался до шамана.

– Мумр, это что такое? Им земли жалко, трупики зарыть?

– А зачем? Так проще. – Мумр тоже орал, отчаянно жестикулируя. – Притащил покойничка, бросил птичкам на стол и никакой мороки.

– Не хотел бы я, чтобы меня так.

– Поверь, тебе будет уже все равно.

– И что мы здесь забыли. Пришли полюбоваться на птичек? Или ты помянуть кого хочешь?

– Увидишь.

Мумр двинулся вдоль столов, разгоняя подобранной по

дороге кривой длинной палкой орущих птиц. Он осматривал каждый труп, если на нем осталось хоть немножко кожи.

– Решил мародёром заделаться?

– Не выйдет, их сюда голышом кидают. Птичкам так проще.

Мы обошли все столы. Везде лежали уже порядком обглоданные костяки – и они Мумра не интересовали. Зато заинтересовал старичок, с тележкой выруливший из-за крайних шалашей. На тележке лежало завернутое в мешковину тело. Мумр сразу направился к нему. Тот, заметив наш интерес, остановился, не дойдя до крайнего стола шагов двадцать.

– Добрый день почтеннейший.

– И тебе добрый, хоть ты и черен как ночь.

– Покойничка привез?

– Нет, мешок с говном. – Старый зубоскалил вовсю. Бояться в его возрасте уже было нечего, и он этим пользовался. Я не лез в беседу стоя в сторонке и заткнув нос.

– А хочешь монету?

– Спрашиваешь! Конечно, хочу. – Глаза нашего собеседника сузились до невнятных и очень жадных щелок.

– Я куплю у тебя это тело ровно на пять минут, прогуляешься пока до шатров и обратно. А потом уже вывалишь его на обед птичкам. – Старикашка препротивнейше оскалился беззубыми деснами.

– И успеешь за пять минут? А, извращенец? – Мумр пришел в некоторое замешательство. – Ладно, гони монету, не

век же тут с тобой торчать. Подхватив протянутый Мумром медяк, он заковылял прочь. Разобрав в чем соль шутки Мумр в сердцах плюнул в след старикашке. Я с трудом удержал смехок. Повернув ко мне перекошенное от злости лицо, Мумр прорычал:

– Чем ржать, лучше бы помог! – Я подошел, и мы вдвоем развернули труп.

– Вот гадость!

На тележке лежала молодая девка. С перерезанным горлом. Судя по неизгладимой печати порока на лице въевшейся в губы красной краске – профессиональная гетера.

– Ладно, белая, дак еще и баба. – Мумр был расстроен до глубины души.

– Ну что, старый извращенец, кто первый – ты или я?

– Молчи уж, Семен. Без тебя тошно. – Порывшись в висящей на боку торбе, он вынул маленький, острый кинжал. – Отвернись, а то расстанешься с завтраком.

И не дожидаясь, когда последую совету, под корень отхватил у трупа мизинец левой руки. Красивый белый мизинец. Я с трудом успокоил взбунтовавшийся желудок. Разобравшись с правой рукой шаман завернул добычу в отрезанный от мешковины кусок. Маленький сверток он аккуратно уложил на дно торбы, туда же отправил кинжал.

– Все. Теперь пошли отсюда.

Мы накинули мешковину на труп. Завидев, что мы закончили, старикашка стал подпрыгивать и показывать непри-

личные жесты. Мумр в ответ швырнул в него камнем. Закончив обменяться любезностями, он поволок меня в сторону города.

– И что все это значит? Пальцы то тебе зачем?

– А ты не догадался?

– Пока нет.

– Вот и ладненько. Пошли искать Алекса, нужна его помощь.

К закату солнца мы пришли на ставший уже родным закуток за курманом. Зрелище братьев не радовало. Гетеры и шикарная попойка отменялись. Пьяный в смерть Николай валялся ничком в песке, потеряв всякий интерес к миру. Лицо сидящего на его спине брата Алекса выражало вселенскую скорбь.

– Проигрались, как два деревенских дурака. – Алекс хрипло ответил на наш немой вопрос. – А это гад еще и напился на халяву. Всем игрокам хозяин бесплатно наливает. Еле доволок сюда. А у вас как? Может вы деньжатами разжились?

– Нет. Мумр разжился куда более шикарными вещами. За них нам любая гетера даст. И не один раз. От ужаса. Да, Ммур?

– Семен, ты, когда веслом махал, был куда более приятным собеседником.

– А ты пальцы мертвым девкам не резал.

Алекс подскочил на спине брата.

– Пальцы? Мумр, тебе голову напекло?

– Ладно вам обоим. Будете мне сейчас помогать. Мне нужно два барабана, туго обтянутые человеческой кожей. Кожа с ваших загорелых животов как раз подойдет.

Его ухмылка не предвещала нам ничего хорошего. Мы с Алексом переглянулись. По всему было видно, что шаман окончательно спятил. Не знаю, о чем думал Алекс, но я свою любимую кожу решил продать как можно дороже. Медленно заведя руку за спину, я вытянул из набедренной повязки короткий кривой кинжал. Алекс вытянул свой. Черный двуногий зверь перед нами оскалился еще шире.

Если бы запоздавший прохожий заглянул в ту ночь на задний двор курмана, он убежал бы в страхе на другой конец города, если не дальше. По дороге испуганный горожанин изгадил бы все подвернувшиеся под ноги шатры. По этим следам мы бы легко его нашли и отправили его мятежную душу к отцам, дедам и другим родственникам на сверкающую в небе луну. Но никто за всю ночь так к нам и не заглянул. Мумр разжег маленький костер, наломав деревяшек из найденного за курманом ящика. Мы уселись вокруг в кружок, заслонив спинами маленькие язычки пламени. На плоском камне шаман выложил добытые пальцы и маленький, виденный мной на кладбище, кинжал. Посмотрев по очереди в наши глаза, он процедил сквозь стиснутые зубы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.